

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-64 и 1-20-85

КОНТОРА: Москва, Рождественка, д. 9. Тел. 1--20-85.

№ 19—20.

31 Мая 1922 года.

№ 19—20.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: „Наша экономика и право“—*Гойхбарь*. „Две ударные задачи“—*Лукин*. „Обеспечение по положению о государственных подрядах и поставках“—*Юновидов*. „Движение преступности в 1920—21 г.“—*Тарновский*. „Культурно-просветительная работа в тюрьме“—*Якубов*. „К переводу народных судов на местные средства“—*Лисицын*. „Прокуратура и законность“—*Ростовский*. „Обзор советского законодательства за время с 4 по 20 мая с. г.“—*Аронович*. Суд и жизнь: „Черная рать монахов поднимает голову“—*Уменьшенная вменяемость*—*Плюшкин*. „Монастыри—притоны разврата—при свете советского суда“—*Н.* Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции: Проект декрета о судебных пошлинах.—Практика Высшего Судебного Контроля. Из деятельности Верховного Революционного Трибунала.—Хроника: Закон об основных имущественных правах.—На местах.—За рубежом.—Библиография.—Почтовый ящик.—Официальная часть.—Объявления.

Наша экономика и право.

Написать статью на тему, указанную в заголовке, крайне важно, в особенности, потому, что за последнее время во многих советских органах высказываются о необходимом правовом урегулировании наших экономических отношений такие мысли, которые бьют гораздо дальше цели, нами поставленной, которые сводятся к полной реставрации прошлого и которые поэтому нельзя не признать весьма опасными. Ибо если правильно утверждение, что теория становится революционным оружием, если она овладевает массами, то, думается, не менее правильно и обратное утверждение—что теория (реакционная) может стать контр-революционным оружием, если она распространяется в органах, получающих массовое распространение.

В виде иллюстрации для подобного рода идей, начинающих пользоваться весьма обширным распространением, можно привести статью В. Самойлова «Промышленность и право» («Народное Хозяйство», февраль 1922 года), которая заканчивается: «Новая экономическая политика требует решительного, единого, централизованного законодательства, направленного ценою уступок интересам частных лиц и буржуазной идеологии на развитие производительных сил страны. В отношении гражданского права это означает **«восстановление основных положений гражданских законов, действующих в западно-европейских государствах»** (курсив мой А. Г.).

Предначертать такую программу для нашего законодательства—это значит пойти гораздо дальше, чем требуют иностранные правительства в неприемлемых для нас меморандумах, пойти дальше требований американского министра иностранных дел Юза, который идет дальше в своих до-

могательствах, чем бельгийско-французская коалиция, одним словом, предназначать такую программу—значит потребовать полной реставрации («восстановления») дореволюционного, дооктябрьского строя в основной области—в области хозяйственных отношений.

Мыслимо ли для нас ставить себе такие программы. Поставить так вопрос—значит дать на него ответ. Так, по крайней мере, казалось бы. Но для многих ответ все же неясен. Поэтому необходимо доказывать то, что как-будто и не требует доказательств.

Необходимо твердо усвоить себе своеобразие переходной эпохи, которую мы переживаем. Новая экономическая политика означает возврат к капитализму, но только ограниченный возврат. На Генуэзской конференции мы противопоставляем две системы собственности: **советскую и буржуазную**. Тов. Троцкий на докладе в расширенном заседании Московского Совета перед началом Генуэзской конференции блестяще выразил то же противопоставление, говоря: они хотят буржуазного права, а мы предлагаем приспособиться к советскому праву. Тов. Ленин на последнем партийном съезде указал, что мы вступили в борьбу с капиталистами в области хозяйственных отношений, и вопрос стоит, кто кого в этой борьбе одолеет: если одолеют капиталисты, то они проглотят коммунистов. Таким образом, восстановление основных положений гражданских законов, действующих в западно-европейских государствах, может произойти только в результате поражения ныне существующего строя; но такое «восстановление» не может никоим образом быть сознательной программой наших действий.

У нас программа другая. Мы сохранили за собой основные хозяйственные позиции, господствующие командные высоты. У нас нет частной собственности на землю. У нас нет частных железных дорог, частного флота. Мы сохранили в руках государства—и, что значительно важнее, в руках пролетарского государства—внешнюю торговлю и крупнейшую промышленность. В каком западно-европейском государстве имеется нечто подобное? Нигде. Поэтому у нас в программе дня не стоит и не может стоять «восстановление основных положений европейских гражданских законов».

Мы сделали уступки. Мы пошли на компромисс. Но мы уступили только часть и, быть может, часть не очень большую. И наше законодательство в отношениях частно-правовых поэтому по-прежнему будет не «решительным», а компромиссным, несовершенным, незаконченным, пожалуй даже логически противоречивым. Иным оно, как компромиссное, быть не может. Основные положения гражданских законов западно-европейских государств явились результатом буржуазных революций, которые сняли феодальные путы с людей и вещей. Эти основные положения сводятся к так-называемой свободе собственности, свободе труда, свободе обращения,—короче, к манчестерскому принципу: *laissez faire — laissez passer*,—невмешательство государства в имущественные взаимоотношения граждан. Маркс давно уже вскрыл под этой «свободой» всеобщую социальную зависимость, яснее ясного показал «свободным гражданам», что они рабы вещей, внушающие себе, что, как личности, они свободны. Под давлением рабочих масс буржуазии капиталистических западно-европейских государств пришлось к концу прошлого и к началу нынешнего века в некоторых случаях изменить принципы свободы договора, свободы труда и т. д.

Может ли пролетарское государство, даже в эпоху государственного капитализма, вернуться к основным положениям манчестерства, к законам, отвечающим периоду первоначального накопления. Ничто его к этому не побуждает. Такие законы, правда, соответствовали бы пережиткам буржуазной идеологии (рабы вещей, внушающие себе, и т. д.). Но, делая уступки частным интересам, мы отнюдь не должны делать уступок буржуазной идеологии. Мы должны творить право переходного времени, своеобразное право, мы должны проводить необходимые ограничения,—словом, мы должны, согласно декрета ВЦИК от 25-го августа 1921 года, привести действующее законодательство в соответствие с основами новой экономической политики. Выше мы указали, что основные положения гражданских законов западно-европейских государств, которые нам рекомендуют усвоить советские юристы, сводятся к свободе собственности, свободе труда и свободе договоров. Такими, по крайней мере, рисуются эти основные положения умам наших старых («спецов») юристов, которые заведуют соответственными отделами наркоматов. Между тем, и в самих буржуазных законодательствах эти идеи целиком не сохранились, в этих индивидуалистических стенах пробиты огромные зияющие бреши. В особен-

ности же продырявлены эти индивидуалистические идеи новейшей буржуазной теорией права. Но наши советские юристы знакомы только со старинными и трафаретными, даже и в буржуазном мире признаваемыми за отжившие, теориями или, по крайней мере, отстаивают эти устарелые теории.

Вместо свободы собственности, даже буржуазные юристы говорят уже о собственности, как о социальной функции, подлежащей осуществлению, согласно той цели, ради которой эта собственность предоставлена. А у нас с отменой (безусловно, сохраненной) частной собственности на землю, при передаче в руки советских органов местной власти всех крупных домовладений и строений, при передаче в государственную собственность всех почти крупных предприятий, при допущении частного использования крупных предприятий только на началах концессий или аренды или путем организации смешанных обществ, где преобладание предоставляется государственным органам,—характер собственности, как социальной функции, выступает с беспорной отчетливостью. И, следовательно, даже в тех случаях, когда определенные предметы предоставляются в частное владение не только на началах ограниченного пользования или использования, но и на началах собственности, наименее ограниченного использования, у нас не приходится говорить о полном распоряжении объектами собственности; мы можем только говорить о правильном использовании своего права в пределах, предоставляемых государственной властью.

Уже и буржуазная теория отказалась (в лице ее менее закорюзлых представителей) от взгляда на право собственности, как на приращенное и неотъемлемое и к тому же беспредельное субъективное право. Уже и буржуазные законы (Германия, Швейцария, еще до революции) или, где еще нет таких законов, судебная практика отказывают в судебной защите при злоупотреблении правом, т. е. при использовании права за его «нормальные» пределы. Уже нередки буржуазные ученые, которые рассматривают правообладателей (субъектов права) только как простых управителей предоставленных в их заведывание благ, причем, если эти управители дурно справляются со своим делом, их можно сместить. Уже, например, германское уложение 1900 года запрещает собственнику воспрепятствовать воздействию на его вещь со стороны другого лица, если вред, наносимый собственнику, невелик по сравнению с выгодой другого, воздействующего лица (хотя критики этой статьи закона вопили: что же это такое. Ведь, этот закон разрешает любому бродяге зайти в мой кабинет и улечься там спать или на моих глазах открыть ящик моего стола и вынуть из него для себя часть моих денег).

И если в буржуазных законах и в буржуазной теории эти уступки делаются, главным образом, в пользу тех или иных индивидуумов или частных группировок, то мы, исходя из основы—развития производительных сил государства, из интересов пролетарского государства в целом,—только в этих интересах и предоставляем те или иные права населению в области имущественных

отношений. Мы отнимаем надел у земледельца, если он систематически не использует его для той цели, ради которой он ему предоставлен. И мы сохраняем за собою возможность точно также поступить и со всяким имущественным правом гражданина, если оно будет использовано не для той цели, ради которой оно ему предоставлено государством. Мы делаем уступки частновладельческой психологии отдельных граждан, мы им предоставляем частные имущественные права; но в своих уступках мы не идем так далеко, чтобы отказаться от основного, об общих интересах государства.

И пускай на это не возражают, что такое ограничение наших уступок означает стеснение или непоощрение частной инициативы. Мы всемерно поощряем частную инициативу, но только здоровую инициативу. Мы не можем делать безпредельных уступок частновладельческой психологии точно так же, как мы не можем допускать беззащитной эксплуатации или спекуляции.

Свобода труда. Ну, этой-то свободы не требуют, пожалуй, даже наши советские юристы. нистр Юз. Америка—классическая страна буржуазной свободы труда, т.е. наглой и беззащитной, самой беспощадной эксплуатации труда. В Америке имеются крупные штрейкбрехерские организации, имеются военные (частные) отряды, приезжающие на место забастовки, с оружием в руках разгоняющие, избивающие и убивающие забастовщиков, пытающихся отстаивать интересы труда. Это в Америке называется охраной свободы труда. Такое вооруженное насилие над трудящимися американские министры и их судьи признают похвальной мерой охраны свободы труда. А если делают попытки издать принудительные меры, направленные к ограничению эксплуатации рабочих капиталистами, то такое поведение американские капиталисты и их судьи клеймят, как посягательство на святую свободу труда. И первые законы американского конгресса об ограничении рабочего времени были признаны американским высшим судом недействительными, как нарушающие американскую конституцию, в которой гарантируется свобода труда.

Мы такой свободы труда, т.е. свободы эксплуатации труда, разумеется, не предоставили никому и при новой экономической политике. Никому, даже и концессионерам. Рабочие государственных учреждений и предприятий получают по ставкам профсоюзов. Рабочие концессионных, арендных и частных предприятий работают на основах, установленных в обязательных, как для предпринимателей, так и для рабочих, законах о труде. Условия труда, вообще, урегулированы в кодексе законов о труде. У нас имеется закон о минимальной заработной плате, ниже которой предприниматели не могут платить. Рабочий договор у нас не зависит от воли сторон, т.е. от воли предпринимателей. Минимум человеческих условий труда гарантирован рабочим. Исходя из интересов пролетариата, как класса, пролетарское государство не может отказаться от принудительной гарантии этих минимальных человеческих условий труда. И рабочий договор зависит от воли сторон лишь постольку, поскольку он направлен

на улучшение условий труда по сравнению с гарантированным минимумом.

Свобода договоров, вообще. Это требование эпохи первоначального накопления. Все зависит от воли сторон. Сильнейший диктует волю слабейшему. Эксплоатация нужды, неопытности или легкомыслия не встречает никаких преград. Но уже и буржуазные законодатели под давлением мелкой буржуазии, под давлением различных иных группировок, вынуждены были отказаться от этой безусловной свободы эксплуатации крупными акулами малоимущих.

Эта свобода договоров в буржуазных законах начала прошлого века выражалась в следующем: все установленные в законе правила обязательственного, договорного права носили **восполнительный** характер, т.е. вступали в силу только тогда, когда сами стороны не урегулировали своих отношений в договоре как-нибудь иначе.

В новейших буржуазных законодательствах и в отдельных законах об акционерных компаниях, о договоре страхования имущества и т. п. можно заметить полную перемену фронта, полный отказ от такой свободы договоров, полный отказ от восполнительного характера норм обязательственного, договорного права. Значительное число правил этих новых буржуазных законов не защищают воли сторон, носят принудительный характер, т.е. имеют силу, хотя бы стороны и согласились в противоположном духе. Нередко в этих законах делается другой вывод: соглашение, отступающее от принудительных норм права, делается недействительным весь договор.

Разумеется, и наши законы об обязательном, договорном праве должны охранять интересы слабейших в имущественном отношении групп населения против беззащитной эксплуатации их крупными хищниками. Наше законодательство в области договорного права не может стать на отжившую точку зрения безусловной защиты так называемой воли сторон.

Но этого мало. Наше законодательство в области обязательственного, договорного права не должно ограничиться защитой интересов слабейших экономических групп населения. Наше законодательство должно и в этой области выдвинуть на первый план интересы пролетарского государства.

При государственном капитализме, при сохранении в руках государства основных отраслей хозяйства, чрезвычайно увеличивается и расширяется область столкновений частных и государственных интересов в хозяйственных отношениях. Различнейшие государственные хозорганы вступают в договорные отношения друг с другом и с частными обществами и лицами. При крайней трудности контроля над многочисленными, рассыпанными в разных местах сделками предоставление полной свободы в этих сделках могло бы привести к гибели хозяйственный организм пролетарского государства.

Новая экономическая политика, частичное возрождение капиталистических отношений преследует основную цель: развитие производительных сил пролетарского государства. Частно-имущественные капиталистические отношения допускаются только и исключительно ради достижения этой

основной цели. Поэтому, поскольку создающиеся частно-имущественные правоотношения этой цели противоречат, они должны быть обезврежены, устранены, аннулированы.

Наше законодательство в области обязательственного права должно поэтому строго рационально урегулировать пределы договорных взаимоотношений государственных хозорганов между собою и с частными лицами. Оно должно, сверх того, аннулировать такие создавшиеся на основе

договоров взаимоотношения, которые объективно явно вредны, которые объективно причиняют явный ущерб пролетарскому государству, как хозяйственному организму. Если в столкновение вступят так называемые воля сторон и явный вред для государства, то государственная власть пролетарского государства, разумеется, не позволит себе из-за пресловутой частной воли сторон принести в жертву интересы пролетарского государства.

А. Гойхбарг.

Две ударные задачи.

С 1-го июня вводится в жизнь Уголовный Кодекс, с 1-го июля—Процессуальный. Перед НКЮ и его органами на местах в связи с этим встанут две очередные **ударные** задачи, от быстрого и успешного разрешения которых зависит фактическое проведение в жизнь кодексов, именно: 1) подготовка к работе по Кодексу непосредственных проводителей в жизнь Кодекса: народных судей, следователей, прокуроров, и 2) исправление недочетов пенитенциарной системы—в частности, организация принудительных работ без лишения свободы.

И та и другая задача одинаково важны и срочны. Без хорошего усвоения кодексов судебными работниками, без пенитенциарной системы, отвечающей кодексу,—кодексы останутся на бумаге. IV съезд деятелей юстиции в январе текущего года обратил серьезное внимание на эти вопросы. В резолюции по докладу тов. Славина «о методах теоретической подготовки работников советской юстиции» съезд отметил, что новая обстановка требует большой подготовленности судебных работников, в особенности, в связи «с громадным законодательным материалом, в виде кодексов, имеющих быть изданными в самое ближайшее время»; отмечая это, съезд в дальнейшем предложил, как необходимую меру, организацию в губерниях двухмесячных курсов с обязательным прохождением их каждым судебным работником.

Тяжелое материальное положение органов юстиции не дало возможности осуществиться этому пожеланию съезда: тем труднее сейчас положение, тем ударнее становится перед судебными работниками задача по подготовке к работе по Кодексу. Время не ждет. На днях Уголовный Кодекс будет опубликован, разослан по местам, вслед за ним—Кодекс Процессуальный и положение об основных имущественных правах.

Сложность, ударность стоящих перед органами юстиции задач должна обратить серьезное внимание Наркомюста и высших советских и партийных органов на материальное положение юстиции; этим сознанием должен проникнуться и местный губисполком, и уком. Попутная задача местных органов юстиции—доказать тем, от кого зависит улучшение их материального положения, что ударные задачи требуют ударности в удовлетворении насущных материальных потребностей. Под лежащий камень вода не течет,—поговорку эту сейчас более чем когда-либо надо вспомнить органам юстиции.

Не надо забывать, что буржуазное окружение и рожденная им адвокатура находит простой рецепт для выхода из создавшегося положения: посадить в суды спецов, которые легко справятся со всей казуистикой кодексов и в два счета восстановят «революционную законность». Наш рецепт другой. Суд по своему составу должен быть пролетарским. Судьи должны, поняв важность задач, приложить все силы к одолению их. Исполкомы и парткомы должны выдвигать на должность судей квалифицированных по своему стажу товарищей.

Судебные работники немедленно должны приступить к детальному изучению кодексов. Совнарсуды, трибуналы, отюсты не медля ни минуты должны организовать под руководством опытных работников систематические кружковые занятия судей и следователей по изучению кодексов. В течение 2-х недель кодексы должны быть усвоены. Должны быть созданы специальные комиссии, задача которых—руководить и следить за этой работой. По окончании занятий комиссия по проведению в жизнь кодекса должна проверить, насколько хорошо судьи и следователи усвоили кодекс. В дальнейшем вновь избираемый судья может быть допущен к исполнению обязанностей лишь после, по крайней мере, месячного стажа, в течение которого он обязан усвоить кодекс.

Эта работа должна быть проведена в ударном порядке. Надо помнить, что от того, как будет проведена эта работа, зависит проведение в жизнь кодексов—проведение в жизнь начал революционной законности.

Вторая ударная задача стоящая перед органами юстиции—исправление недочетов пенитенциарной системы—не менее важна. Бывшее царское «Уложение» 1903 года не могло быть проведено целый ряд лет в жизнь только в силу того, что система карательных учреждений, предусмотренная «Уложением», фактически не была проведена в жизнь.

Соответствует ли наша существующая система пенитенциарного дела Уголовному Кодексу?

В настоящей статье я касаюсь лишь неотложных задач в области пенитенциарного дела—лишь того, что не соответствует Кодексу и требует немедленного исправления. Это—принудительные работы без лишения свободы.

Из 193 статей особенной части Уголовного Кодекса 82 статьи содержат в санкции—принудительные работы; 53 статьи закрепляют пе-

ревод на принудительные работы без содержания под стражей, как вид условно-досрочного освобождения.

Наказание это впервые появляется в России после октябрьской революции, является нашим революционным завоеванием. Оно отвечает более чем какие-либо другие карательной политике пролетарского суда.

А на практике, не знаю всюду ли, но в ряде губерний и в том числе в Москве, организация так называемых бюро принудительных работ не дает возможности применять эту меру наказания.

Отдел управления Московского Совета возбуждал ходатайство перед Совнарсудом о неприменении этой меры наказания, так как осужденные не могут быть использованы в виду отсутствия спроса на рабочую силу. Отделы труда, пишет далее отдел управления, будучи не в состоянии удовлетворить имеющийся у них контингент безработных, естественно, не в силах использовать труд осужденных и эти последние, с одной стороны, являются конкурентами безработных, а с другой—фактически наказания не несут, являясь лишь для очередной регистрации в бюро принудительных работ.

Не лучше дело обстоит в уездах. Так, начальник отдела управления Богородского уезда, пишет, между прочим: «в виду произведенного массового сокращения рабочих и служащих в учреждениях и предприятиях последние приговоренных, направленных к ним, не принимают... более того привлеченный на принудительные работы получает место где-либо на фабрике или заводе с отличным вознаграждением, тогда как до тех пор лишен был работы и в этом нуждался, а посему я считаю со своей стороны необходимым отменить указанную меру наказания и стол принудительных работ упразднить»....

Я привел эти выдержки, как весьма характерные, правильно отражающие положение дела. Существующие бюро принудительных работ—это биржи труда, органы распределения рабочей силы с той только разницей, что зарегистрированному на этой своеобразной бирже труда в силу авторитета судебного приговора гарантируется получение работы в первую очередь по сравнению с безработными, зарегистрированными в отделах труда. В остальном никакой разницы. Ни особых условий работы в предприятиях и учреждениях, ни контроля за выполнением этой работы и поведением осужденного. Ясно, что при существующей безработице, сокращении штатов в учреждениях и предприятиях описанная организация принудительных работ должна повлечь за собой неисполнение приговоров—хождение в определенные дни на регистрацию, конечно, не есть наказание.

А замена штрафа принудительными работами действительно в том случае, когда штраф может быть внесен осужденным. Замена является лишь средством понуждения,—не является ли такая замена лишь фикцией наказания? Буржуазия обростает шерстью. Ее надо стричь. Ножницы—принудительные работы—никуда не годятся.

А для того осужденного, кто впал в преступление под влиянием голодухи, безработицы или разрушающего влияния среды—является ли надежным средством исправления хождение на регистрации в бюро принудительных работ в теперешнем его виде? Конечно—нет!

Все эти соображения известны судебным работникам. Надо искать выход. Мера наказания—принудительные работы—предусмотренная Кодексом повиснуть в воздухе, остаться не применяемой не может. Ее применения требует закон.

Бюро принудительных работ без лишения свободы должны быть немедленно реорганизованы в соответствии с требованиями жизни и карательной политики суда. IV съезд деятелей юстиции предусмотрел это положение в своей резолюции «о карательной политике»: «Передача в некоторых губерниях бюро принудительных работ подотделам принудительных работ при отделе управления обнаружила несостоятельность этой меры», говорится в резолюции съезда, «почему проект Уголовного Кодекса предусматривает сосредоточение заведывания принудительными работами без лишения свободы в исправительно-трудовых п/отделах».

Проект Кодекса стал законом. Бюро принудительных работ должны быть немедленно переданы исправдомам.

В основу этой реорганизации должны лечь следующие принципы: принудительные работы должны носить преимущественно характер общественных массовых работ, и в городах и деревнях таких работ может быть найдено много. Да искать-то не надо. Надо уметь их организовать. Опыт субботников у нас богатый. Пусть не каждый день—пока не наладится дело—а хоть 3 раза в неделю, осужденные привлекаются на работу.

Нет денег платить, отвечают мне. 3—4 раза в неделю по приговору суда осужденный, в особенности, из класса народившейся буржуазии, должен отдать свой труд государству за причиненный вред бесплатно. Кодекс о труде, напоминают мне. Право осужденного на принудительные работы на защиту законодательства по охране труда должно быть в известной степени поражено. Без проведения этих двух принципов едва ли удастся в данное время организовать этот вид наказания. И, наконец, требуется организовать действительный контроль за выполняемой работой и поведением осужденного, особенно в тех случаях, когда осужденный отбывает наказание в предприятии или учреждении.

Реорганизация бюро принудительных работ дело неотложное. Положение о них должно быть в кратчайший срок пересмотрено. Это—ближайшая задача Наркомюста.

Без хорошо подготовленных к работе по Кодексу судей, без пенитенциарной системы, отвечающей Кодексу—Кодекс останется на бумаге. Отсюда исключительная ударность в выполнении задач, указанных настоящей статьей.

А. Лунин.

Обеспечение по положению о государственных подрядах и поставках.

По справедливому замечанию проф. Мейера, осуществление права по договору зависит не только от воли субъекта права, т.-е. лица, имеющего право на действие обязанного, но и от воли этого обязанного, или, по терминологии юристов, должника. Каждому обязательственному праву присуща некоторая непрочность уже по одному тому, что обязавшееся лицо, должник, имеет естественное стремление уклониться от исполнения обязательства, особенно в том случае, когда это исполнение оказывается для него тяжелым. Отсюда возникает необходимость в создании таких приемов, которые могут сообщить обязательственным правам, возникающим из договоров, необходимую им твердость и которые называются **способами обеспечения договоров**.

Действующее ныне положение о государственных подрядах и поставках (Собр. Узак. 1921 года, № 69) посвящает способам обеспечения договоров с казной специальный раздел.

Для государства далеко не безразлично, в какой мере соблюдаются его материальные интересы при заключении договоров, особенно с частными предпринимателями, и насколько гарантируется как самое исполнение заключаемых договоров, так и возмещение убытков казны при неисправности контрагентов. Между тем, на практике наблюдается, что учреждения весьма часто относятся к этому вопросу без должного внимания. Такое отношение объясняется частью новизной дела и неопытностью учреждений в сфере заключения договоров, но в значительной мере оно должно быть объяснено недостаточно отчетливым пониманием той части положения о государственных подрядах и поставках, которая трактует об обеспечении исполнения договоров.

Поэтому я считаю своевременным и необходимым сделать попытку разобраться в этом вопросе.

На основании 30 ст. положения «в обеспечение подрядов и поставок подрядчики должны вносить залог в размере 10% стоимости подряда или поставки, причем в качестве залога могут быть предоставлены, кроме ценностей, каковые будут признаны Государственным Хранилищем Ценностей удобными для принятия в обеспечение, строения и прочее имущество по соглашению с учреждением, передающим подряд или поставку».

Совершенно очевидно, что условие об обеспечении залогом должно быть **обязательной** принадлежностью каждого договора с казной. Это обеспечение заключается в том, что подрядчик или поставщик при заключении договора с учреждением указывает ему или предоставляет в его обладание имущество, из которого учреждение могло бы получить удовлетворение при его неисправности.

Несмотря, однако, на общее определение круга предметов, способных служить залогом, было бы ошибкой утверждать, что вещи всякого рода, движимые и недвижимые, можно предоставлять и принимать в качестве залога. Не подлежит сомне-

нию, что казенные вещи, например, сданные в арендное пользование государственные предприятия, национализированные дома, вещи, хранение которых частным лицам воспрещено, например, телеграфное имущество, автомобили, никоим образом не могут фигурировать в роли залога. Равным образом, нельзя принимать в залог такие вещи, которые не имеют ценности, например, аннулированные ценные бумаги. Нецелесообразно брать в залог вещи, подверженные легкой и скорой порче. Следовательно, залогом может служить только такое имущество, которым частные лица могут свободно распоряжаться на основании действующих узаконений, которое имеет действительную ценность и притом не подвержено скорой порче.

С другой стороны, положение о государственных подрядах и поставках не охватывает всех тех ценностей, которые можно использовать в качестве залога. Не одни только вещи, физические предметы, имеют денежную ценность. В гражданском обороте некоторые права также обладают этой ценностью. К числу таких прав относится, напр., право на чужое действие. Положим, что подрядчик не располагает каким-либо реальным имуществом, способным быть залогом, но зато имеет вексель или заемное обязательство, по которому его должник должен произвести действие и именно платеж определенной суммы денег или других ценностей. Ясно, что здесь имеет ценность не вексель и не заемное обязательство, а только право на действие должника, которое должно выразиться в платеже по векселю и по заемному обязательству. Вот такое право на чужое действие, называемое еще правом требования, несомненно, может быть предметом залога. В этом случае залог должен совершаться путем передачи долгового документа от подрядчика учреждению с надписью на документе об уступке прав по нему в пользу учреждения.

К числу таких же прав может быть отнесено также право на чужую вещь.

Указанное расширение круга ценностей для принятия в залог, хотя не предусмотрено положением о государственных подрядах и поставках, но и не противоречит ему. Напротив, в интересах государства оно может оказаться очень полезным, так как будет способствовать расширению круга лиц, которые будут в состоянии вступать в договоры с казной, создает конкуренцию между предпринимателями, которая, в свою очередь, будет благоприятствовать заключению наиболее выгодных для казны договоров.

Само собою разумеется, что нельзя увлекаться расширением круга ценностей для принятия в залог. Как физические вещи не всегда имеют реальную ценность, так и право требования и право на чужую вещь не всегда обладают надлежащей ценой. Должник по обязательству может быть недостаточно кредитоспособным, недостаточно надежным, право на чужую вещь может быть для

учреждения бесполезным, например, право подрячика на пользование колодезем соседа. Учреждение в каждом случае должно обстоятельно взвесить выгоду и надежность предлагаемого залога и принимать лишь то, что действительно обеспечивает исполнение договора.

Цель залога заключается в том, 1) чтобы побудить подрячика или поставщика к энергичному и неуклонному исполнению принятых им на себя по договору обязательств, 2) чтобы достигнуть тех результатов, которые намечены заключенным договором, если подрячик или поставщик окажутся неисправными.

Для достижения этой цели необходимо поставить предмет залога в такое положение, при котором учреждение было бы в состоянии воспользоваться им. Относительно долговых обязательств и подобных им документов уже говорилось, что они должны передаваться учреждению с надписью об уступке по ним прав. Ценности, признанные Государственным Хранилищем удобными для принятия, подлежат передаче в это хранилище или его отделения на местах, или, наконец, в Государственный Банк. Прочие движимые вещи учреждению следует принимать в свое владение. Если это почему-либо невозможно, например, вследствие отсутствия у учреждений складов и надлежащих помещений, предоставленные в залог вещи следует описывать и налагать на них арест.

Тут возникает вопрос о порядке составления описи и наложения ареста. В действующем законодательстве по этому предмету нет никаких указаний. Нужно признать, что право фактического наложения ареста на передаваемое в залог имущество не может быть предоставлено тем учреждениям, которые вступают в договор. Всего естественнее было бы эту функцию возложить на исполнителей судебных решений или на милицию, которые действовали бы в этих случаях по поручениям соответствующих учреждений. Однако, решение вопроса в такой плоскости должно быть санкционировано законодательной властью. А до того времени учреждениям не следует принимать в залог такое имущество, которое они не могут взять в свое фактическое владение.

Еще сложнее обстоит вопрос о залоге недвижимых вещей (строений), а между тем строения весьма часто фигурируют в качестве залогов. В настоящее время этого рода залог устанавливается простым введением в договор соответствующего пункта. Вступающие в договор учреждения интересуются, может ли быть, только тем, что строение действительно существует, имеет определенную ценность и принадлежит подрячику, дальнейшая судьба строения совсем ускользает из сферы наблюдения учреждения. Поэтому такой, казалось бы, солидный залог, как строение, в нужный момент может оказаться пустым местом. На самом деле, подрячику ничто не препятствует воспользоваться одним и тем же строением в качестве залога при договорах с целым рядом учреждений, ничто не препятствует ему на другой же день после заключения договора продать строение или просто разобрать его на слом. Следовательно, существующий порядок обеспечения договоров залогом строений ни в какой мере не обеспечивает интересы государства.

Ясно поэтому, что необходимо создание особых норм, разработка особых правил о залоге, вообще, и о залоге строений, в частности, необходим закон о залоговом праве. Если законодатель ввел в жизнь залог, как способ обеспечения договоров, если этот способ является неизбежным и обязательным, то очевидно, что установленное, таким образом, фактическое залоговое право нуждается в законном урегулировании.

Значение и смысл залога заключается в ограничении прав владельца закладываемых вещей свободно распоряжаться этими вещами до тех пор, пока они не освободятся из залога. Значит разработка закона о залоге должна сосредоточиться в значительной мере на изыскании способов ограничения прав владельца закладываемых вещей. В отношении движимостей этот вопрос не встречает затруднений. Передача заложенной вещи во владение залогопринимателя или наложение ареста на эту вещь являются достаточными ограничениями прав владельца. Но в отношении строений дело обстоит иначе. Здесь едва ли можно говорить о передаче во владение залогопринимателя, равным образом, едва ли можно признать практически целесообразным наложение на строение ареста. Единственным способом действительного ограничения прав владельца на закладываемое строение могло бы быть установление так называемой **системы запретов**. Для введения такой системы нужно, чтобы все находящиеся в частном владении строения были внесены в особую книгу, в которой потом и отмечались бы все юридические отношения, возникающие по поводу каждого данного строения.

Здесь не место детализировать указанную систему, можно лишь указать, что ведение упомянутой книги недвижимостей и производство в ней отметок о сделках по отношению к строениям естественнее всего было бы сосредоточить в нотариате.

При такой системе во всякое время легко узнать, кому принадлежит данное строение, какими долгами оно обременено и может ли оно служить в какой-либо сумме обеспечением договора. С другой стороны, такая система позволяет немедленно зафиксировать залог строения и размер обеспечиваемого строением обязательства и, таким образом, пресечь владельцу строения возможность закладывать его неопределенное количество раз на неограниченную сумму.

Однако, закона о залоге еще нет; между тем договоры заключаются учреждениями ежедневно и предприниматели часто предлагают в качестве залога принадлежащие им дома. Чтобы не страдали интересы казны, учреждениям нужно теперь же принимать меры к обеспечению этих интересов. Нужно требовать от залогодателей представления документов, удостоверяющих их право на предлагаемое в залог строение и стоимость этого строения, нужно требовать от них подписки о том, что они обязываются не отчуждать и не закладывать заложенный дом без согласия учреждения, нужно, наконец, требовать подписки о том, что предлагаемый в залог дом не находится в залоге других учреждений и частных лиц. Эти меры, не являясь исчерпывающими, способны до некоторой степени уменьшить риск казенных потерь.

Залог с точки зрения науки права есть, в сущности, самостоятельный договор. Но по положению о государственных подрядах и поставках залог является, как указано выше, необходимой принадлежностью договоров о подрядах и поставках с казной. «Подрядчики должны вносить залог»,—говорит закон. Отсюда как-будто следует, что в залог может быть предоставлено только собственное имущество контрагентов и что отношения по залогоу устанавливаются только между сторонами по договору,—учреждением, с одной стороны, и подрядчиком или поставщиком, с другой. Однако, такой вывод едва ли можно считать правильным. Залог устанавливается с исключительной целью обеспечить интересы казны и исполнение договора. А для этой цели не имеет большого значения, кому принадлежит предмет залога, подрядчику ли, или постороннему лицу. Если постороннее лицо соглашается предоставить принадлежащую ему вещь в качестве залога для обеспечения договора подрящика с казной, то нет никаких оснований не принимать такой залог. Наоборот, разрешением такого порядка залогов получается полная возможность вступать в договоры с государственными учреждениями таким лицам, которые не имеют собственного имущества для внесения залога. Значит, расширится круг соискателей на получение государственного подряда и обнаруживается для казны возможность сдачи подряда или поставки на наиболее выгодных условиях. Но само собою разумеется, что к залогам, представляемым за подрядчиков посторонними лицами, должны предъявляться такие же требования, какие предъявляются к залогам самих подрядчиков. Посторонние залогодатели должны также ограничиваться в их правах на закладываемые вещи, как ограничиваются сами подрядчики. Поэтому согласие постороннего лица внести залог за подрядчика или поставщика должно быть непременно выражено в письменной форме.

Для того, чтобы залог соответствовал своему назначению и служил действительным средством обеспечения договора, нужно, чтобы предмет залога был точно определен в договоре, нужно, чтобы в виду учреждения была конкретная ценность, которую можно было бы немедленно же реализовать в случае неисправности подрящика или поставщика. В договорах нередко можно встретить фразу, что подрядчик обеспечивает свою исправность по договору всем принадлежащим ему имуществом. Это ни что иное, как установление залога, но залога с неопределенным предметом. Такой залог не представляет собою, в сущности, никакого обеспечения. Тут остается неизвестной ценность имущества залогодателя, неизвестно даже, есть ли, вообще, у него какое-либо имущество. Наконец, такой залог бесцелен уже потому, что имущество подрядчика или поставщика и помимо залога должно служить предметом для удовлетворения учреждения при неисправности контрагента и при недостатке залога.

Положение о государственных подрядах и поставках ничего не говорит о судьбе залога в том случае, когда подрядчик или поставщик не выполняет договоров и когда наступает момент для удовлетворения интересов казны из залога. И вообще, в действующем законодательстве по

этому предмету нет никаких указаний. Несомненно, что в общем законе о залоговом праве, если он будет разработан и издан, указанный вопрос найдет легальное разрешение. Но и в настоящее время, хотя бы путем практики, необходимо установить способы реализации залогов и способы удовлетворения из залогов при неисправности контрагентов. Способы эти могут быть различными в зависимости от предмета залогов. Если залог заключается в денежных знаках или в таких предметах, которые имеют определенную или обусловленную в договоре ценность и которые нужны принявшему их в залог учреждению, то при наступлении момента удовлетворения из залога деньги и указанные предметы поступают в собственность учреждения—залогопринимателя. Разумеется, если ценность залога превышает претензию учреждения, то излишек залога возвращается залогодателю. Но если залог заключается в строениях или в таких предметах, которые не имеют ни твердой, ни обусловленной ценности, то при неисправности контрагента по договору наступает необходимость в их реализации. Эта реализация мыслима или в виде продажи с публичного торга*), или в виде вольной продажи. Предпочтение следует отдать продаже с публичного торга, так как такая продажа наиболее гарантирует как интересы залогопринимателя, так и интересы залогодателя. Из вырученной таким путем суммы покрывается претензия учреждения, а остаток выдается залогодателю—контрагенту.

Так как не все предметы могут быть реализованы с одинаковой легкостью и так как возможность легко и удобно реализовать залог имеет для учреждения большое значение, то очевидно, что при установлении залога учреждениям следует принимать в залог по возможности такие вещи, реализация которых не была бы затруднительной.

На практике возможны случаи, когда один и тот же предмет служит обеспечением по нескольким договорам различных учреждений. Таковы, например, строения, способные обеспечить обязательства по нескольким договорам. Возникает вопрос, в каком порядке удовлетворяются залогоприниматели, если залогодатель окажется исправным по всем заключенным им договорам. Вопрос этот имеет большое практическое и юридическое значение, так как возможно, что предмет залога окажется недостаточным для удовлетворения всех претензий залогопринимателей или вследствие изменившихся экономических условий, или просто вследствие того, что по неосмотрительности залогопринимателей этот предмет залога принят в обеспечение обязательств, превышающих его ценность. В таких случаях было бы целесообразно установить **принцип старшинства залогов**, по которому первые по времени обеспеченные залогом претензии удовлетворяются преимущественно перед последующими. Установление такого принципа способно побудить учреждения относиться к принятию залогов с наибольшей

*) Закон пока не знает принудительной продажи строений, ибо декретом от 8 авг. 1921 г. предусмотрено лишь добровольное отчуждение. Редакция.

осторожностью. Но этот вопрос нуждается в легализации законодательной властью. Нам остается еще сказать несколько слов о размере залога. Положение о государственных подрядах и поставках устанавливает этот размер в 10% стоимости подряда или поставки. Размер очень небольшой и объясняется он, несомненно, желанием законодателя привлечь к выполнению государственных подрядов и поставок возможно более широкий круг лиц. Ясно, что при крупном размере залога государственные подряды и поставки окажутся в руках крупных предпринимателей, располагающих большими средствами. Между тем, бесспорно представляется желательным участие в подрядах трудовых артелей, которые в большинстве случаев

не могут представлять высокие залоговые суммы. Поэтому установление низкого размера залога следует приветствовать. Вместе с тем нам кажется, что было бы ошибкой утверждать, что залог должен быть не больше и не меньше 10%. Ведь установление залога не простая формальность, а средство обеспечения интересов казны. С этой точки зрения и в зависимости от того, в какой мере затрагиваются интересы государства от невыполнения того или иного подряда, в зависимости, наконец, от того, в какой степени заслуживает доверия подрядчик, размер залога может быть увеличен или уменьшен.

А. Юновидов.

Движение преступности в 1920—21 г.г.

(по данным нарсудов).

Вопрос о росте преступности за последнее время в связи с голодом в Поволжье представляет существенный интерес для всех интересующихся условиями народной жизни, вообще, не говоря уже о специальных условиях уголовного правосудия и уголовной политики. Недавно (см. „Еженедельник Советской Юстиции“, № 14—15) этот вопрос был затронут тов. Якубсоном в интересной статье «Голод и тюремное население» по данным тюремной статистики, обнимающей только весьма ограниченную часть преступного мира. Необходимо дополнить картину движения преступности данными общей уголовной статистики. Для этой цели мною разработаны сведения о числе уголовных дел и осужденных нарсудами за 1920—21 г. Данных за 1922 г. еще нет, так как сведения о деятельности нарсудов доставляются через каждые 3 месяца, а не ежемесячно, как отчеты тюремной статистики. Но и в течение 1921 г. влияние голода должно было обнаружиться на движении преступности с достаточной силой, так как запасов от прошлых лет в голодающих губерниях не оказалось и сообщения об ужасах голодовки начали пестреть в газетах уже с самого начала осени 1921 года. Для большей полноты и взаимной проверки чисел возьмем сведения как о числе возникших уголовных дел, так и о числе осужденных нарсудами, отдельно в голодающих и в остальных губерниях, сгруппировав числа по четвертям 1921 года, как они поступали в порядке отчетности. Из голодных губерний взяты десять: Вятская, Уфимская, Самарская, Симбирская, Нем. коммуна, Саратовская, Татарская, Марийская обл., Царицынская и Астраханская.

Число возникших в нарсудах уголовных дел:

Четверти 1921 г.	Голод. губ.		Остальн. губ.	
	Абсол. ч.	в %	Абсол. ч.	в %
I (январь—март)	74.486	100	252.480	100
II (апрель—июнь)	79.224	106	302.085	120
III (июль—сентябрь)	71.789	96	322.885	128
IV (октябрь—декабрь)	76.139	102	297.157	118

Возникшие дела для выяснения влияния неурожая служат более чувствительным показателем, чем число подвергнутых лишению свободы. Число возникших уголовных дел в прежних окружных судах было исследовано мною более 25 лет тому назад для изучения влияния неурожая 1891—92 г.г. и дало весьма определенные результаты по отдельным районам тогдашней России. В настоящем случае оказывается, довольно неожиданно, что число дел в нарсудах голодных губерний в течение 1921 года почти не увеличилось, в третью четверть даже заметно понизилось, а в последнюю четверть, когда голод уже должен был очень дать себя почувствовать, осталось почти на том же уровне, как и за первые 3 месяца. Между тем, в остальных губерниях, не пострадавших от голода, преступность, судя по общему числу дел, возрастала гораздо решительнее, чем в пораженных неурожаем районах, хотя в последние 3 месяца рост преступности замедлился и в благополучных по голоду местностях. Пока оставим эту загадку неразрешенной. Посмотрим, что скажут нам числа осужденных нарсудами.

Число осужденных нарсудами:

Четверти 1921 г.	Голод. губ.		Остальн. губ.	
	Абсол. ч.	в %	Абсол. ч.	в %
I (январь—март)	29.302	100	95.447	100
II (апрель—июнь)	41.906	143	137.941	145
III (июль—сентябрь)	32.853	112	151.986	160
IV (октябрь—декабрь)	58.301	200	209.263	220

Число осужденных возрастало много энергичнее, чем число уголовных дел, как в голодных губерниях, так и в не голодных, но все-таки в последних больше, чем в первых. В голодающем районе общее число осужденных за 1921 год увеличилось (с перебоем за 3-ю четверть) на 100% в остальных губерниях (без перебоев)—на 120%. Притянем еще для сравнения 1920 года. Где больше всего увеличилось число дел (сравнивая первое полугодие 1920 года со вторым полугодием 1921 года)? Увеличение свыше 100% было в гу-

берниях: Архангельской, Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Московской (без гор. Москвы) и Петроградской (без гор. Петрограда). Ни одна из этих губерний не отнесена к числу голодающих. Минимум увеличения числа уголовных дел (менее 20%) во второе полугодие 1921 года сравнительно с первым полугодием 1920 года в губерниях: Томской, Вятской, Вологодской, Череповецкой, гор. Петрограде (уменьшение на 8%), Владимирской, Тамбовской, Симбирской (уменьшение на 9%), Самарской и Нем. коммуне. Четыре из перечисленных губерний (Вятская, Симбирская, Самарская и Немкоммуна)—голодающие.

Возьмем еще число осужденных нарсудами за первое полугодие 1920 года и за второе полугодие 1921 года. Наибольшее увеличение (более 150%) в губерниях: Архангельской, Томской, Курской, Воронежской, Калужской, Нижегородской, Тульской и Уфимской. Только одна губерния (Уфимская) из восьми была поражена неурожаем в 1921 году. Наименьший прирост осужденных (менее 50%): в гор. Москве (увелич. на 17%), гор. Петрограде (уменьш. на 35%), в губ.: Владимирской, Иваново-Вознесенской, Брянской, Тамбовской, Симбирской, и Немкоммуне. Две губернии (из 8)—голодающие.

Выходит, таким образом, что голод не повысил особенно преступность пораженных районов ни по числу дел, ни по числу осужденных и что преступность выросла больше в непострадавших губерниях*). Как это явление может быть объяснено и не противоречат ли наши данные выводам тов. Якубсона из чисел тюремной статистики, а также наблюдениям прежних лет. Мы думаем, что противоречия здесь нет и особенности нашей уголовной статистики относительно влияния голода 1921 года могут быть объяснены правильными с логической стороны соображениями.

Во-первых, неурожай, голодовки, подьем хлебных цен, как и прежде было установлено по многочисленным исследованиям в Зап. Европе и в России, повышают не преступность, вообще, а главным образом, преступления против имущественных прав, вызываемые обострением экономической нужды и неимением средств потребления, возрастает преимущественно кража. Что касается преступлений против личности и против порядка управления, то эти преступления в годы неурожая сокращаются в числе, иногда весьма значительно (упадок в голодающем населении физической энергии, дезалкоголизация населения). В общем, повышение преступности в ее целом, под влиянием голода, может произойти только в случае постоянного (и до неурожая) преобладания в данном районе имущественной преступности. В противном случае, происходит уравнивание, компенсирование одного вида преступности другим и в результате получается только мало заметное

колебание. По отношению к русской преступности эти выводы были мною установлены еще в 1898 году в работе**) о влиянии неурожая 1891—92 г.г.

Число заключенных по судебным приговорам под влиянием голода должно, несомненно, увеличиваться, так как увеличивается число краж, а кража карается почти исключительно лишением свободы. Вот почему по данным тюремной статистики всегда оказывается, что неурожай или голод сильно повышает преступность. Между тем, осужденные за преступления против личности и за нарушения специальных постановлений и мер безопасности (например, пьянство, буйство и т. п.) лишь очень редко попадают в тюрьму. По данным тов. Якубсона, приговоренные за имущественные преступления составляют более половины из числа приговоренных за уголовные преступления, а осужденные за преступления против личности—всего 3 или 4%. Понятно, что их уменьшение не может отразиться заметно на численности тюремного населения. Между тем, в общей массе осужденных нарсудами нарушители прав личности и публичного порядка составляют более 30%***). Еще больше относительно процент этой категории среди возникших дел, так как многие дела этого рода прекращаются производством до постановления судебного приговора или оканчиваются оправданием. Именно, эта часть преступности ускользает от регистрации тюремной статистики, вследствие чего и выводы ее должны быть принимаемы с известным ограничением.

Что касается затем вопроса о причинах меньшего роста преступности в голодных губерниях по сравнению с неголодными, то в виде весьма вероятного предположения можно допустить факт сокращения численности населения голодающих губерний вследствие повышения смертности, а также выселения и ухода в соседние районы, не захваченные стихийным бедствием. Судебная репрессия в голодных губерниях не ослабела, как можно было бы ожидать, а скорее усилилась. Осуждено было в десяти голодных губерниях за первую четверть 1921 года—69%, за последнюю четверть—72%. Присуждено к лишению свободы в первые 3 месяца—42%, за последнюю четверть—45%. Осуждено условно в первую четверть 1921 года—43% (из числа присужденных к лишению свободы), в последнюю четверть—34%. Эти цифры косвенно указывают на рост имущественной преступности, караемой, главным образом, тюрьмой с ограниченным применением условного осуждения.

Е. Тарновский.

**) Ж. М. Ю. 1898, № 10.

***) В Симбирской губ. (голодающей) преступления против собственности составляют—до 60% (по числу осужденных), преступления против личности—только 3%. В Сев.-Двинской губ. (неголод.) прест. пр. личн.—25%, а прест. пр. имущ.—20%. Таким образом, категории преступности совершенно различны в голодных и неголодных губерниях. Более полные сведения о числе отдельных видов преступлений по всем губерниям имеются только начиная с 1 января 1922 г. Т.

*) Возможно, что за 1-ую и 2-ую четверть 1922 г. преступность по данным нарсудов увеличится в большом размере в голодных губерниях, чем в остальной России, но пока говорить об этом преждевременно.

Культурно-просветительная работа в тюрьме.

С тех пор, как на тюрьму перестали смотреть, как на средство мести-возмездия совершившему преступление человеку, учебно-воспитательная работа в целях исправления преступного элемента приобретает колоссальное значение в тюремном деле. Однако, от принципиального признания теории исправления до фактического применения этой теории всегда и везде отмечается более или менее значительное расстояние. Так, п. 2 ст. 1 упраздненного устава о содержащихся под стражей признавал исправление, как одну из главных целей тюрьмы. Все же культурно-просветительная работа в тюрьме была обставлена такими препятствиями формального характера, что говорить всерьез о царской тюрьме, как об исправительном учреждении, не приходится. Так, например, из всей расходной сметы Главного Тюремного Управления 1914 года на долю расходов по культурно-просветительной части приходится всего-навсего около полтораста тысяч рублей, т. е. 2,9% всей суммы расходов. Да и эта миниатюрная полторастатысячная сумма уходила преимущественно на содержание церквей и духовенства: только 15% ее, а именно 21.333 руб., пошли на покрытие расходов по содержанию библиотек и школ в тюрьмах. Ясно, что это была работа, может быть, для просвещенного Запада, но отнюдь не для действительного воспитания преступного населения тюрем.

Революция и в этом отношении произвела полный переворот. Учебно-воспитательная сторона в пенитенциарной системе советской власти получает подобающее ей место. Заключение здесь рассматривается, как наиболее нуждающийся в соответствующей обработке человек, и он становится объектом культурно-просветительного воздействия наравне с наиболее отсталой массой общего населения. Обучение грамоте, книга, лекция теперь уже не случайные гости в камере за решеткой, они уже не исключение, а правило тюремной жизни современности.

На цифровых данных о культурно-просветительной работе в местах лишения свободы Р. С. Ф. С. Р. можно ярко продемонстрировать ту грандиозную работу, которая с революцией началась в России, вообще, и в «мире отверженных», в частности. К сожалению, еще трудно пока статистически учесть результаты этой работы, но установление самого факта имеет колоссальный общественный интерес—на языке беспристрастных цифр мы лишний раз зафиксируем невиданное до того проявление мощной воли, во что бы то ни стало вырвать народную массу из той глубокой, беспросветной тьмы, в которой, казалось, она застряла навсегда.

Мы приведем цифровые данные об учебно-воспитательной деятельности в местах лишения свободы Наркомюста в марте сего года.

Сообщения у нас имеются из 155 мест заключения (около 60% общего числа мест заключения ЦИТО), в которых к этому времени было слишком 44 тысячи населения. Раньше всего отметим исключительный по культурному уров-

ню сравнительно со всем населением состав заключенных: в то время как среди всего населения перевес на стороне неграмотных, в местах лишения свободы содержится:

Неграмотных	17,1 %
Малограмотных	32,0 »
Грамотных	50,9 »
Итого	100,0 %

При чем среди последних—грамотных—целых 16% лиц, получивших среднее или высшее образование,—пропорция далеко опережающая соответствующие цифры для всего населения. Явление весьма характерное для переживаемой нами исторической эпохи. И вот, среди этого-то населения, находящегося за тюремной оградой, мы встречаем почти все виды внешкольной и школьной работы, начиная от концертов и спектаклей и кончая школой по ликвидации безграмотности, так же, как на воле. Из представивших сведения об этой стороне тюремной жизни 155 мест лишения свободы только 36 не ведут у себя ни лекционной работы, ни воспитательных развлечений (спектакли, концерты), иначе говоря, на $\frac{1}{4}$ все места лишения свободы устраивают у себя беседы, лекции, чтения, спектакли и концерты. В течение одного только марта месяца прочитано 1011 лекций и устроено 361 воспитательное развлечение, на которых в общей сложности перебывало около 120.000 человек—восхищающие своей величиной цифры. Для тех же, которые, привыкли к огромным цифрам современного оборота, не узрят этой большой величины в приведенных цифрах, позволим себе процитировать справку из «Очерков уголовного суда и наказания в современной Англии» П. И. Люблинского: «В течение 1909—1910 г.г. было прочитано лекций на светские темы—юным преступникам 1133, женщинам 257 и всему составу тюрем 51». Не жалки ли эти цифры в сравнении с соответствующими числами в советских местах лишения свободы?! Между прочим, темы читанных лекций, разбитые на группы по отраслям знания, рисуют нам и внутреннюю сторону дела. Цифры таковы.

Было прочитано лекций:

П О	Абсолютно.	%/о
Общественно-политич. вопросам	342	33,8
Истории	117	11,6
Литературе	192	13,1
Естествознанию	171	16,9
Прикладным наукам	168	16,6
Прочим отделам (в том числе некотор., не указавш. отдел.)	81	8,0
ВСЕГО	1011 лекц.	100,0%

Таким образом, просветительная работа весьма разнообразна и охватывает почти полный круг необходимых знаний. Таков же в общих чертах также характер библиотечного состава.

Книжный состав библиотек:

Содержание:	Количество томов.	
	Абсолютно.	%/о
Обществ.-политич. науки	32.019	24.4
История	7.498	5.7
Беллетристика и период. лит.	54.087	41.3
Естествознание и прикладн. н.	21.000	16.1
Прочие и неизв. содерж.	16.339	12.5
В С Е Г О	130.943	100.00/о

И здесь представлены все главнейшие отделы книжного мира и, как видно из приведенной таблицы, в весьма приличной с точки зрения библиотечного дела пропорции. Работали библиотеки, несмотря на неблагоприятные объективные условия, сравнительно недурно. Так, в течение одного данного месяца на 13.568 абонентов выдано было 45.977 книг, т.е. по 3,4 на 1 человека—% бесспорно высокий. Пользовались же книгами около $\frac{1}{3}$ (30.6%) всей массы заключенных, при чем только в 14-ти из всех 155 мест лишения свободы не было библиотек, иначе говоря, более 90% мест заключения ведут библиотечную работу. Отметим попутно разницу между нашим отношением к книге в тюрьме и отношением к ней «Запада», хотя бы английского тюремного устава. Там, как описывает проф. Люблинский, пользование библиотекой строго регламентировано, так что беллетристика, например, не всем заключенным доступна, а между тем ничто, кажется нам, не может благотворнее влиять, чем хорошая беллетристика. На этой разнице мы можем констатировать одну из лучших черт советской пенитенциарной системы: в заключенном признается автономная личность, которую можно и должно просвещать и воспитывать, но у которой нельзя отрицать определенных желаний и вкуса. Наиболее интересная книга, самая содержательная лекция, даже в блестящем изложении, но навязанная человеку, последнего способна только оттолкнуть и достигает, таким образом, обратного эффекта. Исправительное учреждение вовсе не должно убивать в заключенном самостоятельность психического бытия, а искусно и незаметно направлять в должную сторону. Советская пенитенциарная система определенно пошла по этому пути, пути безоговорочного признания личности заключенного, чем, в идее, по крайней мере, превзошла даже наиболее передовые страны. Правда, необходима оговорка—известны многие уродливые явления в этом отношении, но эти теневые стороны в систему не входят, так что мы вправе при настоящем разборе их игнорировать.

Но продолжим наше статистическое описание культурно-просветительной работы среди тюремного населения. Наряду с этой массовой работой лекции и книги—идет еще глубокая работа

в более узкой среде и тоже на 2 фронта. Мы говорим о школьных и студийных занятиях, которые также имеют место в громадном большинстве случаев. Так, 60% всех мест лишения свободы, с которых здесь идет речь, имеют свои школы и при этом всех почти видов—от школ по ликвидации безграмотности до школ II ступени и даже специальных повышенного типа курсов. За один месяц через тюремные школы прошло 3659 человек, что составляет 8,3% всей массы тюремного населения данных 155 мест заключения, или в среднем по 40 человек на каждое место заключения, ведущее школьную работу. Студийная работа велась в следующем масштабе—всего в нашем распоряжении сведений о 186 кружках в 81 месте заключения с общим количеством участников в $2\frac{1}{2}$ тысячи человек. Кружки самого различного характера: от «марксистского» до «спортивного». Таких наименований мы насчитали 27, до того разнообразна ведущаяся работа. Объединяя все студии-кружки в близкие по роду работы группы, получим следующее деление их:

Кружки: (студии, секции).	Количество кружков.	
	Абсолютно.	%/о.
Обще-образоват.	23	12.4
Политич. грамоты	4	2.1
Литературно-педагогич.	32	17.2
Музыкально-худож.	50	26.9
Драматич.-декламац.	62	33.3
Спортивн.	5	2.7
Прочие виды работы	10	5.4
В с е г о	186	100.00/о

На этой таблице мы опять видим, насколько современный «мертвый дом» представляет живую часть всей жизни с неменьшим многообразием интересов и стремлений. Карательная политика Наркомюста, как констатируют беспристрастные цифры, отнюдь не регламентирует каждый шаг заключенного, его чувства и стремления не насилуются, а, по мере возможности, получают естественное удовлетворение в той или иной, добровольно принятой на себя, работе в стенах хотя и «каменного мешка», но все же живого дома. Активное участие самих заключенных в этой культурной работе красноречиво подтверждается и следующей цифрой: из 1754 человек, непосредственно занятых этой учебно-воспитательной работой, 1154 человека, т.е. около 70%, отбывающие тюремное заключение. Выходит, что почти на $\frac{3}{4}$ культурные нужды тюрьмы удовлетворяются самими же заключенными. Явление интересное и с точки зрения непенитенциарного дела и с точки зрения... интересов «хозяйственного расчета». Переживаемый в настоящее время экономический кризис Советской России заставляет сильно сократить просветительную работу среди общего населения. Но здесь, в местах лишения свободы, со своим «постоянным» и «твердым» штатом работников этот кризис должен меньше давать себя чувствовать.

Почему и хочется верить, что захватившая всех волна «рассчетливости», «хозяйственности» и т. п. качеств НЭПа не захлестнет основу советской уголовной политики—умственного и нравственного возрождения павшего.

На страже этой альфы и омеги передовой социалистической школы в уголовном праве и должен стоять Наркомюст социалистического государства.

В. Якубсон.

К переводу народных судов на местные средства.

С 1 июня постановлением Совнаркома переведены на местные средства местные органы юстиции. На государственном снабжении оставлены отделы юстиции, совнарсуды, особые сессии (губернские и уездные), как гражданские, так и уголовные, и трибуналы.

Наркомюстом разослана телеграмма, отделам юстиции, предлагающая составить местный бюджет и представить его на утверждение губисполкома, а впредь до прохождения сметы требовать от губисполкома отпуска аванса.

Необходимость сокращения эмиссии в целях создания устойчивой валюты понудила правительство к проведению срочным порядком такой жесткой меры, как перевод целого ряда учреждений нескольких комиссариатов на местные средства.

Эту меру необходимо осознать нам, как революционерам, и провести на местах со всей энергией.

Почти всю революцию места жили на средства, отпускаемые центром. В настоящее время места должны стать на свои крепкие ноги и если на первых порах будет тяжело, то каждый должен понять, что без энергии и инициативы всех местных работников по созданию и укреплению местного бюджета мы не вылезем из трясины падающей валюты.

Как отразится перевод на местные средства на народном суде? Сможем ли мы сохранить аппарат в течение ближайших трех-четырех месяцев, пока местный бюджет будет, действительно, создан? Вот вопросы, которые волнуют всех, кому дороги интересы советской юстиции. Если к тому же принять во внимание, что по многим губерниям вследствие отпуска Цифондом денег не по тарифным ставкам, а по разверстке наличных денежных знаков, создалась задолженность за 2-3 и более месяцев, то станет ясным, что вопрос стоит во всей своей тяжести.

Наличному персоналу народных судей придется испытать тяжелое время. Наша обязанность найти средства, чтобы хотя отчасти облегчить это тяжелое положение.

Нужно заметить, что промышленные губернии при достаточном внимании губисполкомов к органам юстиции имеют уже ресурсы для того, чтобы при переходе нар. судов на местные средства не только не ухудшить, но, наоборот, улучшить положение судебных работников. В таких городах, как Москва, Петроград и другие крупные центры с каждым днем увеличивается приток налогов и сборов в кассу губфинотдела и, несомненно, от умения и энергии заюриста и предсовнарсуда зависит своевременно провести через губисполком снабжение всеми средствами органов юстиции.

Мне вспоминается первый период работы народного суда в начале 1918 года, когда, например, на всю Москву было всего 12 судей и на каждого товарища приходилось по 3—5 судебных участка. В то время, за исключением курьеров, все почти служащие мировых учреждений примкнули к политической стачке городских служащих и новый народный судья оказался на новом месте без людей, без опыта и без средств (так как первые месяцы правильного снабжения еще не было).

Однако, тогда у пионеров советской юстиции хватало сил не только для текущей судейской работы, но и для творческой работы по выработке новых форм и новых законов.

Все работники юстиции, сознательно относящиеся к своему долгу, поймут, что только контрреволюционеры посоветуют им махнуть рукой и пойти искать местечка у современных непманов.

Нужно пережить это тяжелое время, найти способы местными средствами поддержать работников.

Органы юстиции являются отчасти источником дохода (судебные пошлины, штрафы, сборы). В предвидении того, что губисполкомы не сразу наладят снабжение органов юстиции, переведенных на местные средства, Наркомюст обратился в Наркомфин с просьбой забронировать за отделами юстиции временно до 1-го сентября доходы, поступающие через органы юстиции, и выдавать их в счет сметы, ибо иначе эта мера, расходящаяся с бюджетными правилами, будет проводиться несмотря на запрещение, неорганизованным путем и стихийно.

Такое разрешение позволило бы несколько смягчить переходный период от государственного бюджета к местному. В то же время это послужило бы стимулом для увеличения поступления доходов. Там, где раньше судья не считал необходимым наложить по разнообразным делам денежное взыскание, в настоящее время он его, несомненно, наложит. Новый Уголовный Кодекс, введенный в действие с 1-го июня (распубликован в № 15 Собр. Узак.), также поможет увеличить приток доходов через суд, так как по целому ряду статей Кодекса вводится определенно денежный штраф. В соединении с возможностью быстрого реагирования на массу проступков судебным приказом суд приобретает новые возможности не только для своей судебной работы, но и как орган частью самоокупающийся.

В целом ряде городов отделы юстиции уже приняли меры в вышеуказанном направлении. Так Нижний-Новгород, Вологда, Москва и ряд других

сняли с государственного снабжения консультантов и, не ожидая декрета об адвокатуре, перевели их на хозяйственный расчет.

Москва, Пенза, Вятка и другие города организовали нотариальные отделения и столы так, чтобы они не отставали от требований жизни, переводя их на хозяйственный расчет и открыв отделения там, где это выгодно, вплоть до нотариальных столов на бирже. Если этого не сделаем мы, то сделают другие, как, например, в ряде городов совнархозы организовали регистрацию договоров на бирже. С такими поползновениями безусловно нужно решительно бороться не только с точки зрения хозяйственной, но и с точки зрения законности. Помимо этого, отделы юстиции должны проводить, где это можно по местным условиям, через губисполкомы увеличение ставок сборов в пределах, допускаемых законом, оговаривая забронирование поступлений за отделами юстиции.

Можно надеяться, что органы юстиции при переводе на местные средства выдержат испытание и выйдут из него окрепшими. То неестественное положение, когда губисполкомы не обращали внимания на всю тяжесть материального положения народных судов, отсылая все справедливые требования в Наркомюст, который также не получает достаточных ассигнований, прекратится, ибо на губисполком возлагается законом обязанность самому найти средства и дать их на содержание соответствующих органов, раз они признаны необходимыми. Государственное снабжение совнарсуда, трибунала и особых сессий и

перевод на местные средства народных судов ставит перед нами и организационный вопрос: как поставить работу особых сессий, чтобы сделать их, действительно, ударными, берущими на себя разрешение наиболее серьезных и крупных дел, и даже более того, как принять на плечи особых сессий всю тяжесть дел, требующих неотложного разрешения в интересах охраны правопорядка. Новый Процессуальный Кодекс, вводимый в действие с 1-го июля, уже довольно ясно разграничивает компетенцию участковых нарсудов и особых сессий и логически приводит к необходимости соответствующего закона о судоустройстве.

Не даром тов. Крыленко в своем докладе на III сессии ВЦИК'а о Процессуальном Кодексе, между прочим, сказал: «в смысле упорядочения нашей системы суда, нашей системы судоустройства, Процессуальный Кодекс является лишь первым шагом предполагаемой общей коренной реформы нашей системы судоустройства в целях установления единой практики в руководстве и надзоре за деятельностью всей нашей юстиции».

Новая экономическая политика перетряхнула положительно все советские органы и учреждения, выявив все здоровое и хирургическим ножом твердого бюджета уничтожив все слабое или пока еще нежизненное. Эта волна дошла и до Наркомюста и перевод на местные средства будет тем испытанием на крепость наших нервов и силу нашей выдержки, из которого должны выйти с честью все работники советской юстиции.

А. Лисицын.

Прокуратура и законность.

Установление законности—ближайшая задача советской власти и неудивительно поэтому, что третья сессия ВЦИК, по преимуществу, была занята именно этим вопросом.

Председатель ВЦИК тов. Калинин в своей заключительной речи на этой сессии отметил, что работа власти в настоящее время не только водворить законность, но «приучить и сделать творцами законности русских рабочих и крестьян, не привыкших к законности за всю тысячелетнюю историю существования России».

Проходимый нами революционный путь, отделяющий нас от забытого уже царского строя, успел несколько затуманить в далекой исторической перспективе безобразные контуры буржуазного права, буржуазной законности, под прикрытием которого буржуазия имела полную возможность господства над эксплуатируемыми ею рабочими и крестьянами.

Земский начальник в деревне, в качестве и судьи, и администратора сажающий крестьян в «холодную» по первому своему капризу, и вдохновитель погромо, возглавляющий юстицию, царский министр Шегловитов—вот символическое изображение законности на Руси в дореволюционное время.

Уходит в область преданий старая Русь.

Не кучке буржуазии, как было до революции, а интересам многих десятков миллионов рабочих и крестьян будет служить правовое законодательство, санкционированное сейчас Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. Одновременно с Уголовным и Процессуальным кодексами приняты проекты Народного Комиссариата Юстиции об адвокатуре и прокуратуре.

Проект о прокуратуре вызвал особенно критическое отношение членов сессии и на первых порах был встречен далеко не гостеприимно. Крупнейшие реформы в области права, как издание Уголовного и Процессуального кодексов, в корне изменяющие судебную практику, проводившуюся до этого времени, встречены вполне доброжелательно и лишь внесены поправки. Чем же объяснить разницу в отношении к вводимым реформам?

Что нового должна внести прокуратура в жизнь на местах и в центре? По принятому ВЦИК декрету о прокуратуре она несет двоякие функции: 1) наблюдение за законностью действий всех органов власти и хозяйственных учреждений и 2) поддержка обвинения в суде. Казалось бы, какие возражения могут быть выдвинуты против таковых функций прокуратуры. Однако, были возражения, относящиеся к пер-

вой части обязанностей, возлагаемых на прокуратуру. Но больше всего прений возбудил организационный вопрос, связанный с введением нового института.

Работники с мест требовали назначения прокурора губисполкомами. В конечном счете, победила точка зрения центра; губернский прокурор назначается и может быть смещен только распоряжением Прокурора Республики. Только некоторая сила инерции, привычка, которая и сожалеению присуща и революционным работникам, в процессе своей работы заставляющим на некоторых привычных формах, могла продиктовать части наших депутатов некоторую боязнь вновь вводимого института. В самом деле, если проанализировать работу губюста, то и надзор за законностью, и организация обвинения в суде являются прямой его обязанностью, но заведующий губ. отделом юстиции, как член того же губисполкома, назначаемый и смещаемый волей губисполкома, не был органом надзирающим в силу своего подчиненного положения.

Возражать против независимости органа, призванного надзирать, — значит, заранее этот орган обезоружить, сделать его никчемным. И если в прошлом губернские отделы юстиции не могли до конца быть проводниками законности, то этому, помимо всех прочих условий, мешали объективные условия,

в которых жило государство до самого последнего времени после непосредственного перехода от системы военного подавления буржуазии без гарантии имущественных прав.

Значит, идея прокуратуры уже была заложена в отделах юстиции. Важно, что сейчас с введением писанного советского права прокуратура уже есть лучшая и более высокая и единственно реальная форма для проведения в жизнь новых начал. Конец, как бы организация прокуратуры ни соответствовала экономическому и политическому положению настоящего времени, но для того, чтобы введение ее почувствовалось, действительно, как поворот к законности, необходимо с первых организационных шагов Народному Комиссариату Юстиции обратить особенное внимание на укрепление вновь создаваемого института, поддержав его материальными средствами и назначив на работу по прокуратуре лучших работников. Во многих случаях полезно будет сделать для этой цели переброску работников из одной губернии в другую.

Одновременно нужно самым широким образом пропагандировать идею прокуратуры, так как успех прокуратуры всецело зависит от поддержки ее широкими рабочими и крестьянскими массами.

Ростовский.

Обзор советского законодательства за время с 4 по 20 мая 1922 г.

Из опубликованных за обозреваемое время декретов следует отметить:

1. Утвержденное ВЦИК «Положение о Федеральном Комитете по земельным делам». Положение издано в развитие и в дополнение декрета ВЦИК от 4 августа 1921 года «Об учреждении Федерального Комитета по земельному делу» (Собр. Узак. № 59, ст. 390—1921 года). Какое большое значение законодатель придает работе нового комитета, видно хотя бы из того, что первоначальная мысль об организации комитета при НКЗ оставлена (см. декрет от 4-го августа), и он по положению признается органом ВЦИК'а. Комитет, по-видимому, будет играть роль объединенного Наркомата Земледелия, с тем отличием от такого рода наркоматов, что его работа будет протекать «в тесном сотрудничестве с местными и центральными органами Совета Труда и Оборон». Программа деятельности комитета весьма обширна. Декрет от 4-го августа намечает для него «урегулирование всех вопросов по земельному делу, выходящих за пределы компетенции Народного Комиссариата Земледелия РСФСР и отдельных частей федерации, или затрагивающих интересы всей федерации в целом». Положение пытается конкретизировать эту программу; согласно 4 п. его «на Федеральный Комитет возлагается: выработка и наблюдение за проведением в жизнь... общесоветского плана развития производительных сил в сельском хозяйстве и связанных с ним земле-

устроительных, мелиоративных, агрономических, колонизационно-переселенческих и других земельно-технических вопросов в федеральном масштабе». Как видно из изложенного, функции комитета очерчены в слишком общих терминах и потому недостаточно ясно отмежеваны от функций наркоматов земледелия автономных и союзных республик.

2. Постановление ВЦИК «О руководстве сельско-хозяйственным образованием» (Изв. ВЦИК от 18-го мая, № 109). Оставляя в ведении Главпрофобра Наркомпроса общеполитическое, научное, педагогическое и административное руководство сельско-хозяйственных учебных заведений, декрет отводит значительную роль в этом руководстве Наркомзему. Так, прежде всего, устав, на основании которого действует Главпрофобр Наркомпроса, должен быть выработан «комиссией при участии обоих наркоматов (Наркомпроса и Наркомзема); во главе отдела сельско-хозяйственного образования, ведающего всеми его степенями (высшей, средней и низшей), становится член коллегии Наркомзема; Наркомзем устанавливает сеть сельско-хозяйственных учебных заведений (т.е. определяет, какие из них должны быть сохранены и какие упразднены, ударность, степень нагрузки каждого из них); наконец, по его же сметам проходят расходы по хозяйственным (оперативным) нуждам всех сельско-хозяйственных учебных заведений (содержание личного персонала, преподавательского и технического, проходит по сметам Наркомпроса).

Опытные поля, фермы и учебсовхозы проходят целиком по сметам Наркомзема. Реформа порядка руководительства сельско-хозяйственным образованием вызвана, очевидно, желанием правительства усилить темп работы сельско-хозяйственных учебных заведений применительно к беспрерывно нарастающим потребностям сельского хозяйства. Но в таком случае гораздо целесообразнее было бы, сохранив единство управления, передать все сельскохозяйственные учебные заведения в ведение Наркомзема. Двойственное заведывание ими неизбежно приведет к административной путанице.

3. Декрет СНК «О порядке ликвидации расчетов по договорам, платежи по коим исчислены в довоенных рублях» (Изв. ВЦИК от 6 мая, № 99). Платежи по означенным выше договорам, начиная с 1-го апреля 1922 года, производятся по курсу Госбанка на первое число месяца, в течение коего происходит платеж. Положение это не только не разрешает всех вопросов, возникающих при ликвидации вышеуказанных договоров, но оно создает неверную почву для расчетов по тем договорам, в которых особой оговорки о курсах, по коим расчеты должны производиться, почему-либо не сделано. В самом деле, декрет приурочен исключительно к нормальному исполнению договоров: на это указывает слово «платежи». Но как быть в тех случаях, когда одной договорившейся стороне приходится искать судебным порядком с другой убытки или неустойку? С грехом пополам под термины декрета можно подвести и эти случаи ликвидации контрагентских отношений по договорам, платежи по коим исчислены в довоенных рублях. Но этого совсем нельзя сказать об исках по всяким другим договорам. Возьмем самый обычный для современного торгового оборота иск о возврате аванса с неисправного контрагента по договору. Придерживаясь строго терминологии декрета, суд должен будет придти к совершенно несправедливому выводу, будто в данном случае исчисление исковой суммы по курсу Госбанка, раз такое исчисление в договоре не предусмотрено, вообще, недопустимо, и, таким образом, выдать неисправному контрагенту по договору премию за его неисправность.

4. Постановление СНК «Об отмене разрешительного порядка открытия и производства торговли» (Изв. ВЦИК от 7-го мая, № 100). Декрет сохраняет порядок получения разрешения из отдела управления лишь на ведение винной торговли. Во всех остальных случаях порядок этот отменяется и на лиц, желающих открыть торговлю, возлагается лишь одна обязанность—зарегистрировать патент на право торговли в районных отделениях милиции, которые в такой регистрации не вправе отказать. Декретом сделан большой шаг в направлении облегчения производства торговли.

5. Декрет СНК «О свободной скупке, продаже и выделке пушнина» (там же). Декрет от 28-го ноября 1921 года отменяется. Скупка, продажа и выделка всех видов пушнина перестает быть монополей государственных органов и предоставляется не только кооперативным организациям, но и частным лицам и предприятиям. Лишь эк-

спортная пушнина, кем бы она ни была заготовлена, реализуется Наркомвнешторгом. Центросоюз сохраняет право реализации такой пушнины в порядке ст. 1 раздела «А» постановления Президиума ВЦИК от 13-го марта 1922 года «О внешней торговле» (Изв. ВЦИК от 15-го марта).

6. Постановление ВЦИК «Об акцизе с чая, кофе и цикория» (Изв. ВЦИК от 9-го мая, № 101). Все виды чая, кофе и цикория облагаются акцизом в пользу государства в следующих размерах: чай байховый по 600.000 рублей с фунта, чай плиточный по 400.000 рублей, чай кирпичный по 200.000 рублей, кофе натуральный по 200.000 рублей с фунта, суррогат чая по 120.000 руб., все виды суррогатов кофе и цикория по 60.000 рублей с фунта. Акциз взимается с ввозимых из-за границы чая, кофе, их суррогатов и цикория при выпуске их из таможи, с внутреннего производства и приготовления—при выпуске их с заводов или заведений. Заведения эти и заводы должны быть зарегистрированы в подлежащих губфинотделах.

7. Постановление Президиума ВЦИК и СНК «Об особом патентном сборе за право торговли табачными изделиями» (Изв. ВЦИК от 11 мая, № 103). Независимо от уплаты промыслового налога и других сборов на право торговли, торговля табачными изделиями как из торговых заведений, так и в развоз и разнос облагается в пользу государства особым патентным сбором в следующих размерах: оптовая продажа из торгового заведения в пределах от 20 до 100 миллионов рублей (в зависимости от номера пояса), розничная продажа из торговых заведений—в пределах от 10 до 50 миллионов рублей, продажа в разнос и развоз—в пределах от 4 до 20 миллионов рублей. Пояса устанавливаются в порядке распределения местностей на пояса по взиманию промыслового налога, т.е. поясов по выборке патентов на табачную торговлю устанавливается пять по признакам, установленным в Положении о промысловом налоге.

8. Постановление СНК «О размерах ставок, взимаемых таможенными учреждениями складочного и таможенно-канцелярского сбора». Под складочным разумеется сбор за хранение грузов и багажа в таможенных учреждениях. За каждый день хранения на открытых местах взимается с пуда 2000 руб., при складке под навесами—3000 руб., при складках в пакгаузах и погребах—4000 руб., с пуда багажа—по 2000 руб., За каждый день хранения почтовых посылок и бандеролей взимается по 10.000 руб. Канцелярские работы по привозу и вывозу товаров в таможенных учреждениях оплачиваются следующим образом: за обложенные пошлиной товары по 20 коп. золотом за каждые 100 зол. руб. пошлины, за необложенные—по 20 коп. с каждой 1000 золотых рублей их ценности.

9. Постановление СНК «Об осуществлении трудгужналога в местностях РСФСР, пораженных неурожаем». (Изв. ВЦИК от 12 мая, № 103). Декрет приостанавливает на время до 1-го октября 1922 года выполнение трудгужналога в целом ряде местностей, пораженных неурожаем. Население

этих местностей только по мере возможности привлекается к отправлению работ по заготовке и вывозке топлива, перевозке продовольствия и иным работам государственной важности, при этом лишь за плату на основе добровольного соглашения. В автономной Вотской области, в губерниях: Вятской, Симбирской, и Царицынской и в некоторых частях автономной Киргизской республики, Ставропольской и Саратовской губ. трудгужналог проводится с оплатой работ в порядке ст. 5-й декрета Совнаркома от 22-го ноября 1921 года и соглашения Наркомтруда, Наркомпрода и ВЦСПС от 11 января 1922 года.

Действие декрета не распространяется на случаи привлечения рабгужсилы для ликвидации стихийных бедствий. К этим случаям применяется ст. 2 декрета от 22 ноября 1921 года.

10. Постановление СНК «О выезде за границу граждан РСФСР и иностранцев». (Изв. ВЦИК от 18 мая, № 109).

Для получения права на поездку за границу требуется исполнение следующих формальностей: а) подать соответствующее заявление в Народный Комиссариат по Иностранным делам, приложив удостоверение ГПУ НКВД об отсутствии законного препятствия к выезду, кроме того, российские граждане обязаны приложить две фотографические карточки, а лица командированные советскими учреждениями и общественными организациями—копии командировочного документа, а иностранцы—их национальный паспорт. ГПУ НКВД

выдает вышеупомянутые удостоверения по письменным заявлениям граждан, к которым российские граждане должны приложить: а) вид на жительство; б) две фотографические карточки; в) поручительство двух граждан РСФСР, не опороченных по суду и не состоящих под следствием; г) свидетельство об отношении к воинской повинности (для военнообязанных); д) удостоверения с места службы или с места учета об отсутствии препятствий к отъезду за границу; е) копию командировочного свидетельства (для лиц, командированных советскими учреждениями и общественными организациями). Лица, живущие в местностях, в которых не производится выдача разрешения на выезд за границу, обращаются за получением удостоверения об отсутствии препятствия к отъезду в губернский отдел ГПУ по месту жительства, а с заявлением о выдаче заграничного паспорта обращаются в Народный Комиссариат по Иностранным делам через губернские отделы управления. Сборы взимаются согласно тарифа о консульских сборах (Постановление СНК от 12 марта 1922 года: «Изв. ВЦИК» от того же числа, № 58). Российские граждане, достигшие 16-ти лет, выбирают отдельный заграничный паспорт. Не достигшие 16-ти лет дети вносятся в заграничный паспорт матери или отца. Иностранцы должны получить вышеуказанные разрешения также при выезде в одну из самостоятельных советских республик.

В. Аронович.

СУД И ЖИЗНЬ.

Черная рать монахов поднимает голову.

Свыше года тому назад, 17 марта 1921 г., в гор. Кадникове, Вологодской губернии, в особой сессии народного суда слушалось громкое дело, получившее отражение на страницах местной прессы, по обвинению монахов Лопотова монастыря в сокрытии от учета нормированных продуктов и в незаконном пользовании продовольственными карточками, возникшее по инициативе членов коммуны, образовавшейся в стенах этого монастыря.

Все преданные суду монахи судом 1-й инстанции были признаны виновными и присуждены к различного рода наказаниям.

В то время новая экономическая политика еще не вступила в свои права, она еще только появилась на горизонте.

Учув появление этой новой экономической политики, осужденные монахи Лопотова монастыря во главе с перомонахом Паисием подали на приговор суда 1-й инстанции кассационную жалобу в Вологодский совет народных судей. Вследствие изменившихся условий экономической жизни, недостаточности данных для обвинения монахов в незаконном пользовании продовольственными карточками и имея в виду постановление Наркомюста от 29 апреля 1921 г. о прекращении производством дел о нарушении правил о раз-

верстке продовольствия, сырья и фуража, совнарсуд от наказания монахов Лопотова монастыря по этому делу освободил.

Очевидно, этот оборот дела и новая экономическая политика вскружили монахам Лопотова монастыря голову. Они теперь сами пошли в наступление и предъявили членам бывшей коммуны, а теперь артели, живущей в монастыре, обвинение в оскорблении монашеской общины, в самоуправстве и других «тяжких» преступлениях. Но народный суд 6-го участка Кадниковского уезда, разобрав это дело, не нашел в действиях членов артели никаких признаков преступления и вынес им оправдательный приговор.

Монахи Лопотова монастыря таким приговором остались недовольны и, памятуя свои увенчавшиеся успехом дерзания в кассационной инстанции в минувшем году, решили и данное дело обжаловать в кассационном порядке, рассчитывая, очевидно, на отмену «несправедливого», по их мнению, приговора.

Но Вологодской губернский совет народных судей, рассмотрев это дело в кассационном порядке 30 марта с. г., признал оправдательный приговор суда 1-й инстанции правильным и таковой утвердил.

Из определения губсовнарсуда по этому делу можно усмотреть, насколько домогательства монахов

Лопотова монастыря и их обвинения являются неосновательными, не имеющими под собой никакой почвы и намека на преступность тех лиц, против которых они сочли необходимым направить стрелы аппарата судебной власти—так, например, иеромонах Паисий в своей кассационной жалобе по настоящему делу указывает, что оскорбление членами артели было произведено не по его личному адресу, а по отношению к целой общине монахов. Такое освещение вопроса губовнарсудом было признано безосновательным, так как из обстоятельств дела усматривается, что ругань в трапезной монахов происходила лишь между членами артели Михаилом Черепниным и иеродиаконом Афанасием, причем взаимная же площадная брань была вызвана самим иеродиаконом Афанасием, и поэтому за взаимностью обид в действиях членов артели не было найдено признаков преступности.

Далее тот же иеромонах Паисий в своей кассационной жалобе появление двух членов артели в трапезной во время обеда монахов аттестует, как самоуправство, так как они, по его мнению, своим появлением нарушили религиозный порядок.

Тут все характерно. Обыкновенная ругань с монахом, поднимающим площадную брань, есть оскорбление какой-то монастырской общины, законами РСФСР не предусмотренной и не признаваемой. Появление двух человек в трапезной во время обеда монахов есть самоуправство и нарушение религиозного порядка.

Но при такой способности и стремлении отыскивать во всем признаки преступного деяния можно дойти до того, что и появление в храме во время богослужения признать за преступление.

Между тем, до сих пор все простые смертные полагали, что вход не только в трапезную, но и в храм, и не только во время еды монахов, но и во время богослужения, никому не возбраняется, никакого религиозного порядка не нарушает и никаких признаков преступного деяния в себе не заключает.

По мнению же иеромонаха Паисия, трапезная, в которой едят монахи и в которой раздается площадная брань, поднимаемая самими же монахами, есть то святилище, одно появление в котором является самоуправством и нарушением религиозного порядка.

Характерно и то, что с такими обвинениями и жалобами монахи Лопотова монастыря осмеливаются обращаться в народный суд.

Очевидно, монахи Лопотова монастыря полагают, что с новой экономической политикой Рабоче-Крестьянское Правительство повернуло руль назад в сторону защиты интересов не трудящихся, а эксплуататорских классов и их защитников и приспешников в лице служителей религиозных культов.

Но они ошиблись в своих расчетах и народный суд им показал, что они живут в государстве, где власть в руках рабочих и крестьян, продолжающая стоять и при новой экономической политике на страже интересов трудящихся, где церковь отделена от государства и где суд не может становиться на точку зрения защиты привилегий и неосновательных докатоличествов жрецов бывшей господствующей и других церквей, так как таковая защита несовместима с интересами пролетариата, поскольку церкви и их служители, затемняя сознание народных масс, служили всегда опорой и поддержкой враждебного пролетариату и свергнутого в России класса.

Уменьшенная вменяемость.

Недавно в г. Детском Селе особая сессия народного суда рассматривала дело об убийстве гр-кой Моисеевой гр-ки Никитиной. Психиатрическая экспертиза обвиняемой установила уменьшенную вменяемость гр-ки Моисеевой. Еще в момент судебного процесса у сторон и у судей возник вопрос: считать ли уменьшенную вменяемость психическим заболеванием. Эксперт-психиатр на заданные ему на суде в этой плоскости вопросы ответил определенно: уменьшенная вменяемость есть или определенная психическая болезнь, сопутствующая душевным заболеваниям других категорий, или же является болезнью наследственной. После такого разъяснения эксперта для сторон оказалась возможность настаивать на применении к обвиняемой ст. 14-ой «Руководящих начал уголовного права РСФСР», по которой душевные больные от наказания освобождаются и подлежат лечению в лечебных учреждениях. Однако, суд не встал на эту точку зрения и применил к обвиняемой 5-летнее заключение в исправительно-трудовом доме «с психиатрическим наблюдением».

По этому поводу хочется сказать лишь несколько слов. Русская криминальная психиатрия до-революционного времени не признавала уменьшенную вменяемость болезнью психической, влияющей на признание—в судебном приговоре—за преступником хотя бы малого смягчения вины. В германском уголовном праве, наоборот, имеются статьи, признающие умень-

шенную вменяемость заболеванием психическим и влияющим безусловно (в приговоре) на смягчение вины совершившего преступление.

Насколько известно, подготовленный проект нового русского уголовного кодекса не рассматривает вопроса об уменьшенной вменяемости, равно как и других психических заболеваний, влияющих на приговор, отдельно, а статьями своими лишь предусматривает смягчение вины преступника и наказания за преступление при психических заболеваниях, вообще, не устанавливая их поименно. Поэтому и в после-революционных законах русских вопрос об уменьшенной вменяемости субъекта преступления остается неразрешенным и открытым. Между тем, видно, что сама жизнь требует ответа на этот вопрос и ответ этот должен быть дан для определенной судебной практики, а то получится явление нежелательное и—по своим последствиям—безусловно вредное: один суд или даже один состав суда будет не признавать уменьшенную вменяемость субъекта преступления за психическую болезнь и ненормальность и не будет применять к нему соответствующих статей уголовного кодекса, а другой суд или даже другой состав суда, наоборот, будет признавать уменьшенную вменяемость субъекта преступления за психическую болезнь и ненормальность и будет применять к нему соответствующие статьи уголовного кодекса.

Из выясненного частного вопроса сам собой напрашивается общий вывод: было бы очень целесообразно и полезно выработать при участии знатоков — психиатров и юристов определенную таблицу психических заболеваний, кои служат смягчением вины обвиняемого и кои определяют — по уголовному кодексу — необходимость лечения обвиняемого в лечебном заведении; эта таблица должна быть приложена к уголовному кодексу для точного руководства при приме-

нении подлежащих статей его. А без этого будет путаница и возможен произвол. И в этой таблице ясно будет указано считать ли уменьшенную вменяемость психической болезнью или же нет; это тем более необходимо, так как уголовное право и криминальная психиатрия разных стран Европы различно смотрят на этот вопрос.

Алексей Плюшков.

Монастыри — притоны разврата — при свете советского суда.

(Процесс архимандрита Сергия, настоятеля Сретенского монастыря в Москве).

Это «монашеское позорище» в лице рясофорного монаха в высоком духовном чине архимандрита Сергия (гр. Ивана Владимировича Плаксина) во всей своей неприкрашенной наготе предстало перед народным судом Рождественско-Сретенского участка, в деле «по обвинению гр. Плаксина (архимандрита Сергия) в нанесении побоев гр-ке Куртасовой и друг. действиях», слушавшемся показательно в клубе рабочих и служащих МПО 23 и 24 мая с. г.

Процесс почти впервые давший возможность на антирелигиозном диспуте в отвлеченной дискуссии, а при наличии доказанных судебным следствием фактов обнаружить пред переполнившей помещением клуба до последних пределов, с длинной очередью на улице, массой, на три четверти из «верующих», как «жрецы алтаря» эксплуатируют и загаживают своей растленностью по детски доверчивые души простых темных людей. Сущность процесса в кратких чертах сводится к следующему: в течение целых трех лет митроносный «отец Сергий», кстати, весьма популярный среди верующих москвичей, находился в интимной связи с уборщицей настоятельствуемого им Сретенского монастыря, гр-кой Куртасовой. «Пресвященно-владычный роман» достопочтенного пастыря начался... в алтаре храма (подходящее место для любовных свиданий!) по окончании «богослужения», когда Куртасова мыла пол.

Архимандрит-дон-жуан, долго склонявшийся на близость с ним болящуюся греха верующую женщину (вдову), не довольствуясь естественными формами полового сожития, использовал всю чудовищную утонченность своей монастырской развращенности. «Даже при закрытых дверях я не могла бы рассказать всего» — говорит гр. Куртасова на суде.

Сергию скоро надоела простая, не блиставшая красотой любовница, одновременно исполнявшая в его келье не только «супружеские» обязанности, но и — прислуги.

Почти целиком все три года Куртасова, понежнито привязавшаяся к рясофорному монаху, безропотно, затаив чувство обиды, должна была наблюдать как в ее присутствии добродетельный пастырь «пеловался взапас» и упражнялся в еще более откровенных занятиях с другими женщинами. Однажды на монастырском дворе она поссорилась и ударила свою соперницу.

Постепенно она превращается в «беспокойного» для Сергия человека. На угрозы ее разоблачить Сергия перед «самим Тихоном» Сергий посылает ее... вместе с Тихоном в места столь отдаленно-трех-

этажные, что их невозможно было передать на суде (следователем они записаны). При посвящении в архимандриты братия «вспрыскивает» митру Сергия веселой и хмельной пирушкой и вновь испеченный архимандрит, как «владельческий паша», сидит за столом рядом с другими любовницами, а Куртасова исполняет обязанности прислуги.

Наконец, когда однажды оскорбленная женщина высказывает ему все свое негодование и наотрез отказывается уйти из кельи, где без нее «владыка» хотел принять очередную любовницу, разгневанный «подвижник» схватывает палку и избивает Куртасову.

Несмотря на полное отрицание Сергием и на суде не только факта нанесения побоев, но и сожития с Куртасовой, как то, так и другое было с очевидностью доказано: избивание — свидетельскими показаниями и до-судебной и судебной медицинской экспертизой (совпадение даты случая и получения медицинского свидетельства, установившего побой), а сожитие — десятком свидетелей, которые слышали о нем от Куртасовой, видели ее неоднократно остававшейся в келье Сергия на ночь и выходявшей оттуда лишь на заре, а также ревностью Сергия к женщинам (о чем с дельно-наивным удивлением повествовал и сам Сергий).

На суде обнаружены были также чрезвычайно веселые нравы всей братии Сретенского монастыря.

Временное новое церковное управление не оставило без последствий приговор названного суда, как это делал ранее Тихон по аналогичным процессам (дело епископа Палладия, осужденного в 1919 году за растление мальчика и друг.), и предало уже Сергия церковно-каноническому суду с отрешением от должности.

Аудитория, в большей своей части из верующих, со всем вниманием слушала судебное разбирательство и во время речей обвинителей, т. т. Никитина и Окунева, высказывала свое одобрение их речам об этом «святом» житии.

Народный суд мог судить Сергия только за одно преступление — легкие побои — все же остальные его похождения, поскольку Куртасова взрослая женщина, были фактами, характеризующими обычные нравы монашеского быта, но не уголовно-наказуемыми. Вот почему суд приговорил Сергия только к шести месяцам лишения свободы с применением амнистии.

С. Н.

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции.

Наркомюстом внесен на утверждение СНК следующий проект постановления о судебных пошлинах:

На основании ст. 3 постановления ВЦИК и СНК об отмене исчисления в довоенных рублях СНК постановляет:

Внести следующие изменения в ст. ст. 96, 97 и 102 Положения о народном суде (Изв. ВЦИК № 41, 1922 г.).

Ст. 96. Судебная пошлина взыскивается при цене иска от 1000 р. до 50.000 р. выпуска 1922г.— в размере 1%, при цене иска от 50.000 р. до 500.000 р.— в размере 2%, при цене иска свыше 500.000 руб.— в размере 3% цены иска. Иски ценою менее

1000 р. от обложения судебной пошлиной освобождаются.

Примечание 2: При исчислении судебной пошлины неполные рубли исковой суммы принимаются за полные.

Ст. 97. Размер судебной пошлины с исков, не подлежащих оценке, определяется народным судом при постановлении решения по существу дела, но не может быть ниже 100 руб. и выше 1000 руб. По делам бесспорного производства пошлина взыскивается в размере 1000 рублей.

Ст. 102. За изготовление и засвидетельствование этих копий взыскивается с лиц, получающих таковые, сбор в размере 25 р. с листа.

Практика Высшего Судебного Контроля.

I. Вопрос о возврате предприятия подлежит разрешению губернского экономического совещания, а не суда.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Судебного Контроля, рассмотрев дело народного суда 1-го участка Гомельского уезда по иску Дубинских к Гомельскому губметаллу о возврате мастерской «Труд», нашел:

1) вопрос о возвращении мастерской «Труд» прежним владельцам определенно разрешается ст. 4 декрета СНК и ВЦИК от 10-го декабря п. г. (Собр. Узак. № 79, ст. 684), согласно которой он подлежит ведению губэконосо, а не судебных органов;

2) хотя вопрос этот рассмотрен народным судом еще до издания вышеуказанного декрета, 19-го сентября 1921 года, тем не менее и при отсутствии его подобный иск не мог служить предметом судебного рассмотрения, ибо национализация происходит в порядке бесспорного распоряжения административных органов, которые могут быть лишь обжалуемы по инстанциям, а не оспариваемы в суде;

3) мнение губэконосо о том, что будто бы указанный выше декрет от 10-го декабря не имеет отношения к данному случаю ввиду декрета от 27-го октября 1921 года, которого он будто бы не отмечает, — явно неправильно, ибо декрет 10 декабря п. г. в 1-й своей статье буквально повторяет содержание декрета 27 декабря п. г. и, исходя именно из него, устанавливает свои последующие положения.

По этим основаниям и согласно п. «б» ст. 2 Положения о ВСК Народный Комиссариат Юстиции определил: решение по настоящему делу ввиду его неподсудности признать не имеющим законной силы и дело производством прекратить.

(Определение по гражд. делу № 61—1922 г.).

II. Возвратившийся домовладелец не может выселить лицо, живущее в доме по законному праву.

Гражданка Оболенская, возвратившись в село Молитовку, Балахнинского уезда Нижегород. губ., предъявила иск в народном суде о выселении из принадлежащего ей дома гражданина Сизова, которому сельсоветом была предоставлена квартира в другом доме. Народным судом иск удовлетворен и гр-ну Сизову представлен

был двухнедельный срок на выселение. Совнарсудом решение утверждено. Жалобщик указывает, что дело это подлежит ведению жилищно-земельного отдела и не подсудно народному суду.

Однако, землерганями разрешаются только спорные земельные дела, т.-е. тогда, когда вопрос касается самого права на землю и связанные с нею постройки.

В данном же случае против права частной собственности Оболенской на дом гр-н Сизов не спорит и из дела не видно, чтобы вопрос шел о пользовании земельным участком, почему дело подсудно народному суду. Последний, несомненно, обязан был войти в обсуждение того, насколько правильно и законно распоряжение сельсовета о выселении Сизова и водворении домовладельцы Оболенской.

Если необходимо было разрешить вопрос о трудовом пользовании земельным участком и связанного с ним строения, то дело подлежало решению земорганов в порядке разрешения спорных земельных дел, а не компетенции сельсовета. Если же Оболенская желает укрепить за собой дом, который не связан с трудовым землепользованием, то укрепление дома не дает права на выселение лиц, в нем живущих, а лишь по надлежащей регистрации в УЗО возможны арендные отношения между Оболенской и Сизовым по нормам платы, установленным местным исполкомом. Ни в коем случае недопустимо, чтобы возвратившийся домовладелец выселял лицо, живущее в доме по законному праву.

По изложенным основаниям определено: признать не имеющим законной силы решение народного суда 2-го участка Балахнинского уезда и дело передать для пересмотра в другой народный суд через отдел юстиции.

(Определение по гражд. делу № 237—1922 г.).

III. Иски, вытекающие из незаконной реквизиции или конфискации, могут быть предъявлены только за действия, происшедшие после опубликования декрета от 21 октября 1921 г.

Ломовой обоз, состоящий из 5-ти лошадей с полной упряжью и признанный решением народного суда 1-го участка г. Вологды от 21-го сентября 1920 г. собственностью гр. Александрова, постановлением осо-

бой комиссии по реквизиции и конфискации того же 21-го сентября 1920 года реквизирован и причитающиеся по оценке деньги внесены в нарбанк 29-го ноября 1920 года.

28-го августа 1921 года гр. Александровым предъявлен иск в народном суде 2-го уч. г. Вологды о возвращении обоза и решением народного суда от 21-го сентября 1921 г. реквизиция признана незаконной и обоз подлежащим возвращению. По протесту губисполкома дело в кассационном порядке рассматривалось 26/XII—1921 г. совнарсудом и решение народного суда утверждено. Губтрамот в своей жалобе указывает на нарушение совнарсудом декретов ВЦИК от 27 октября и 10 декабря 1921 г. по которым все предприятия, фактически поступившие во владение государственных органов до 17 мая 1921 года, являются национализированными.

Хотя обоз, как предмет хозяйственно-производственный, подходит под действие ст. 4-й декрета от 16-го апреля 1920 года и право реквизиции обоза предоставлено только Президиуму ВСНХ, как непосредственно, так и через его местные отделы, но в данном случае губисполком подтверждает постановление комиссии о реквизиции обоза и заявляет, что об означенной реквизиции во исполнение декрета от 16 апреля 1920 года было сообщено, по выражению губисполкома, в центр и что реквизицию надлежит считать закономерной.

Таким образом, ходатайство Александрова о возврате обоза при существовании постановления губисполкома должно было быть своевременно обращено в Президиум ВЦИК в порядке жалобы на это постановление, или же в настоящее время подлежит разрешению губэконосо, как объединяющего экономического органа губернии. Помимо того, гражданская ответственность по суду за неправильную реквизицию установлена лишь вторым декретом о реквизициях и конфискациях от 21-го октября 1921 г. (Собр. Узак. № 70—1921 г.), а именно ст. 17-я гласит: «должностные лица, виновные в нарушении правил сего декрета, подлежат ответственности в судебном порядке. Независимо от сего потерпевший имущественный ущерб от незаконной реквизиции или конфискации имеет право требовать возврата ему неправильно отчужденного имущества или возмещения убытков посредством иска, предъявляемого в народном суде к органу государственной власти, представителя которого незаконно произвели конфискацию или реквизицию». По декрету же от 16-го апреля 1920 года за нарушение декрета виновные должностные лица подлежали ответственности в уголовном порядке (ст. 13-я), из чего следует, что возврата неправильно реквизированного можно было добиваться в то время лишь в административном порядке.

На основании изложенного Коллегия Отдела Высшего Судебного Контроля определила:

настоящее дело в судебном порядке прекратить, признав неимеющими законной силы решение народного суда 2-го уч. г. Вологды от 21 сентября 1921 года и решение совнарсуда, и передать все про-

изводство для разрешения ходатайства Александрова об обозе в вологодское губернское экономическое совещание.

(Определение по гражд. делу № 91—1922 г.)

IV. Фактический, незарегистрированный брак, имевший место до революции, суд может в исключительных случаях (невозможность зарегистрировать ныне по случаю смерти) признать юридически законным браком.

Обстоятельства дела заключаются в следующем:

Мария Мурашова просила судью выдать ей удостоверение в том, что она гражданская жена умершего ветеринарного врача Владимира Григорова— «для представления в социальное обеспечение». Свидетели подтвердили сожителство и суд признал, что она была в течение последних 8-ми лет гражданской женой В. Григорова. Брат умершего принес на это решение кассационную жалобу, которая оставлена без последствий. В жалобе, принесенной в Народный Комиссариат Юстиции, Сергей Григоров просит об отмене решения, направленного к захвату имущества умершего («корыстные цели»).

Рассмотрев дело, Народный Комиссариат Юстиции нашел:

По основному закону о браке брак устанавливается регистрацией: «только брак зарегистрированный порождает права и обязанности супругов» (52 ст. Кодекса). Однако, все церковные браки, заключенные до 20-го декабря 1917 г., имеют силу зарегистрированных браков (примечание к ст. 52 Кодекса).

2) По обычаю, существовавшему до революции и основанному на противоречии закону потребностям жизни, сожителство мужчины и женщины именовалось «гражданским» браком, когда стороны, встречая формальные препятствия к «законному» (религиозному) браку, жили как супруги, не скрывая своей связи и игнорируя установленную форму брака. И так как формальными признаками определить силу подобной формы брака при издании закона о гражданском браке было невозможно, закон не мог отговорить подтверждение таких браков тем более, что советское государство не навязывает обязательной регистрации брачных отношений; самая же регистрация всецело зависела от желания мужчины и женщины, находящихся в сожителстве.

3) Но поскольку после смерти одного из супругов другой встретил надобность в регистрации брака, начавшегося до издания закона о гражданском браке, суд не может отказать в рассмотрении этого ходатайства, ибо советское право не может не признавать того фактического гражданского брака, который осуществлялся вопреки реакционной политике царского правительства.

4) Вот почему решение народного суда 1-го уч. г. Рязани от 19-го июля 1919 г. о признании гражданского брака Мурашовой с умершим Григоровым, существовавшего с 1910 г., не противоречит закону и не подлежит отмене в порядке высшего судебного контроля.

По изложенным основаниям Коллегия Отдела Высшего Судебного Контроля определила: жалобу Сергея Григорова оставить без последствий.

(Определение по гражд. делу № 474—1921 г.)

Из деятельности Верховного Революционного Трибунала.

Кассационная практика Верхтриба.

I. Вымогательство взятки не может быть рассматриваемо, как уголовно-наказуемая дача взятки.

Кассационная коллегия Верховного Трибунала ВЦИК'а, заслушав и рассмотрев в заседании своем от 4-го апреля 1922 г. кассационную жалобу на приговор Гомельского революционного трибунала от 10-го января 1922 г. по делу в спекуляции золотом и даче взятки в сумме 1.010.000 руб. Черкаса, Михаила Ефимовича, приговоренного к лишению свободы в дисправдоме сроком на два года условно, нашла: в виду установленности по суду, что 23.000.000 рублей приобретены Черкасом за продажу яблок, что дача взятки по существу представляет собою вымогательство таковой, что хранение золотых часов не воспрещено законом, что прямо оговорено в прим. 2 ст. 2 закона о реквизициях 31-го января 1921 года и 17-го октября 1921 года,—определила: приговор за отсутствием состава преступления на основании п. 1 ст. 33 Основного Положения о трибуналах—отменить; конфискованные ценности и деньги вернуть, кроме монет серебряного и золотого достоинства и николаевской валюты, каковые вернуть советскими денежными знаками.

Дело о хранении золотых монет в нарушение правил о сдаче таковых на основании ст. 11, 12 декрета о реквизициях от 31 января 1921 года передать в народный суд по принадлежности.

(Определение № 77/а).

II. Неправильное распределение мануфактуры без корыстной цели подлежит каре в порядке административного взыскания.

Кассационная коллегия Верховного Трибунала ВЦИК, заслушав и рассмотрев в заседании своем от 6 апреля 1922 г. кассационную жалобу на приговор Ивано-Вознесенского революционного трибунала от 7 февраля 1922 г. по делу по обвинению в преступлении по должности: Струкова, Владимира Николаевича,

Борисова, Александра Егоровича, и Морозова, Андрея Михайловича, приговоренных к лишению свободы в лагерь принудительных работ на полтора года каждый, с зачетом предварительного заключения, но так как означенное преступление совершено до издания амнистии ВЦИК'а ко дню 4-й годовщины Октябрьской Революции, таковая к осужденным применена и наказание сокращено на половину,— в виду того, что незаконная выдача 244 арш. сукна не составляет преступного деяния, а подлежит каре в порядке административного взыскания, постановила: приговор за отсутствием состава преступления отменить и дело передать—на разрешение соответствующим административным властям; указать трибуналу на допущенную волокиту, выразившуюся в 6-месячном маринировании дела в следственном производстве; конфискацию подозрительной трубы, как не имеющей никакого отношения к данному делу, отменить.

(Определение № 147/а).

Циркуляр В. Р. Т. № 87.

Всем Губревтрибуналам.

(Телеграфно).

Москва, 23 мая 1922 года, Верхтриб ВЦИК. Конфискация озимых посевов, как мера подрывающая народное хозяйство и юридически неправильная (направлена на несуществующий предмет), признана Народным Комиссариатом Юстиции и Верхтрибом недопустимой мерой наказания. Предлагается все приговоры по продналоговым делам с конфискацией озимых посевов, по которым амнистия не освобождает от всех видов наказания, внести в распорядительное заседание и в части конфискации озимых посевов приговора оставить без исполнения.

Зам. зав. управсуднадзора Верховного Трибунала ВЦИК

Рогинский.

ХРОНИКА.

Закон об основных имущественных правах.

3-й сессией ВЦИК принято и находится ныне в Президиуме ВЦИК для окончательного отредактирования и последующего введения в действие печатаемое ниже постановление об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР.

«В целях установления точных взаимоотношений государственных органов с объединениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны, а также взаимоотношений частных лиц и их объединений между собой, и в целях предоставления вытекающих отсюда правовых

гарантий, необходимых для осуществления имущественных прав граждан РСФСР и иностранцев,

ВЦИК постановляет:

I) Предоставить всем гражданам, неограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, право на территории РСФСР и союзных и договорных с нею советских республик организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законами РСФСР профессиями и промыслами с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда.

II) Предоставить всем гражданам, неограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, нижеследующие имущественные права и защиту их судами:

1. Право собственности на немунципализованные местными советами до 15 мая 1922 г. строения в городских и сельских местностях с правом отчуждения таких строений и с передачей покупщику арендного права на земельный участок, занятый отчужденными строениями.

Примечание: Право передачи аренды не распространяется на усадебные участки в сельских местностях.

2. Устанавливаемое по договорам с местными органами власти, коим вверено распоряжение земель, право застройки земельных участков в городских и сельских местностях на установленный особым законом срок, но не свыше 49 лет, с предоставлением застройщику на тот же срок указанных в предыдущем пункте прав на строения.

3. Право собственности на движимое имущество, заключающееся в фабрично-заводских и промышленных предприятиях, могущих находиться в частной собственности, всякого рода орудиях и средствах производства, в продуктах сельскохозяйственного производства и промышленности, товарах, не изъятых из частного оборота специальными законами, в денежных капиталах, в предметах домашнего обихода и хозяйства и в предметах личного потребления.

Примечание: Реквизицию имущества, указанного в пунктах 1, 2 и 3 настоящего декрета, с вознаграждением с отчуждаемого имущества в месячный срок по средним рыночным ценам, а также безвозмездную конфискацию его, допускать лишь в случаях, устанавливаемых законом.

4. Право залога и заклада имуществом, указанных в п. п. 1, 2 и 3 настоящего декрета.

5. Право на изобретение, авторское право, на товарные знаки, промышленные модели и рисунки в пределах, устанавливаемых особыми законами.

6. Право наследования по завещанию по закону супругами и прямыми нисходящими потомками в пределах общей стоимости наследства 10.000 золотых рублей.

Примечание: Исключение из этого допускаются лишь в случаях, предусмотренных особым законом.

7. Право заключения всякого рода незапрещенных договоров, в том числе договоров имущественного найма, купли-продажи, мены, займа, ссуды, подряда, поручительства, страхования, товарищества (простого, полного, на вере, акционерного, векселя, всякого рода банковских кредитных сделок), каковые договоры получают законную силу и пользуются судебной защитой с соблюдением общих положений, указанных в нижеследующих статьях:

а) Всякого рода не запрещенные законом договоры, заключенные: 1) правительственными органами и лицами в пределах предоставленного им законом права, 2) дееспособными гражданами и 3) признаваемыми законом юридическими лицами в пределах, указанных их уставами, — считаются обязательными для заключивших договор сторон и дают им право на судебную защиту вытекающих из договора требований.

Примечание: Содержащееся в договоре соглашение, предусматривающее отказ стороны от права обращения к суду, недействительно.

б) Недействителен договор, совершенный: 1) недееспособным лицом или 2) с целью противной закону или в обход закона, или 3) договор о передаче прав на вещи, изъятые из оборота, или 4) без соблюдения форм и порядка, установленных законом под страхом недействительности договора, или 5) направленный к явному ущербу для государства.

в) В нижеследующих случаях суд может признать, по требованию одной из сторон, договор недействительным полностью или в части: 1) если сторона вступила в договор под влиянием обмана, угрозы, насилия или вследствие злонамеренного соглашения ее представителя с контрагентом; 2) если сторона вступила в договор вследствие заблуждения, имеющего существенное значение.

В тех случаях, когда одна из сторон воспользовалась крайней нуждой другой стороны в чрезмерной ее эксплуатации по договору, суд, по требованию потерпевшей стороны или соответственных органов власти, может либо признать договор недействительным, либо прекратить его действие на будущее время.

III) Вещные и обязательственные права, указанные в ст. ст. 1—7, предоставляются также и признаваемым законом юридическим лицам, как-то: рабочим и кооперативным организациям, всякого рода товариществам и зарегистрированным обществам, государственным учреждениям и предприятиям и их объединениям в пределах, указанных их уставами или соответственными положениями.

Примечание 1. Иностранные акционерные общества, товарищества и проч. приобретают право юридического лица в РСФСР лишь после надлежащего разрешения уполномоченных на то Советом Народных Комиссаров органов.

Примечание 2. Иностранные юридические лица, не имеющие разрешения на производство операций в РСФСР, пользуются правом на судебную защиту в РСФСР по претензиям, возникающим вне пределов РСФСР и относящимся к ответчикам, пребывающим в ее пределах не иначе, как на началах взаимности.

IV) Споры о праве гражданском разрешаются в судебном порядке.

V) Настоящее постановление не имеет обратной силы и не дает права бывшим собственникам, имущество которых экспроприровано на основании революционного права до издания настоящего постановления, требовать возвращения имущества.

VI) На основе настоящего постановления ВЦИК поручает Президиуму ВЦИК и Совнаркому выработать соответствующие законы и внести на следующую очередную сессию ВЦИК проект кодекса гражданских законов РСФСР».

Сроки введения в действие кодексов и института прокуратуры.

Принятые сессией ВЦИК Уголовный и Процессуальный кодексы вводятся в действие: первый с 1 июня 1922 г. (уже опубликован в № 15 Собр. Узак. и Расп. Пр. от 1 июня и рассылается на места), второй с 1 июля 1922 г., одновременно введением института прокуратуры. По окончательном отредактировании в Президиуме ВЦИК последнего декрета (также и об адвокатуре), они будут полностью опубликованы в «Еженедельнике Советской Юстиции».

НА МЕСТАХ.

С целью освещения работы органов юстиции на местах Народный Комиссариат Юстиции предполагает давать информационные сводки работы по губерниям, отмечая то, что является наиболее характерным в работе каждой губернии. Материалом для таких сводок послужат периодические доклады, отчеты и протоколы, которые поступают в Народный Комиссариат Юстиции.

Вологодская губ.

Ввиду отсутствия средств число нарсудов сокращается, а нарследы не выезжают на места преступлений. Состав консультантов увеличен до 21 человека, но с тем, что вновь принятые в состав консультантов ни денежного, ни материального вознаграждения не получают, а работают за плату по соглашению с доверителями, дела рабочих, служащих, состоящих на госснабжении, и лиц, признанных народным судом немущими, ведутся консультантами бесплатно. Деятельность коллегии обвинителей выражается в следующих функциях: 1) обвинение в народных судах и ревтрибе, 2) составление кассационных протестов на приговоры народных судов и ревтрибы, 3) возбуждение уголовного преследования и расследование по поступившим в губотюст заявлениям, 4) наблюдение за правильностью содержания заключенных и за движением арестацтских дел, 5) наблюдение за производством предварительных следствий, 6) рассмотрение вопроса о необходимости передачи тех или других следственных производств в особые сесии народных судов и в губревтриб.

Витебская губ.

Произведены переборы личного состава народных судей и нарследователей. Народными судьями выбраны 91 чел., которые разделяются: 1) по партийной принадлежности—41 коммунист и 50 беспартийных, 2) по социальному положению—рабочих 10, крестьян—14, быв. суд. деятелей—15, канцеляристов—39, учителей—4, прочих—9, 3) по образованию: с высшим—17, средним—12, низшим—52, домашним—10. Осталось незаемченными вакансий народных судей—11. Нарследователями избрано 24 человека, которые разделяются: 1) по партийной принадлежности: коммунистов—2, беспартийных—22, 2) по социальному положению: рабочих—0, крестьян—2, быв. суд. деятелей—8, канцеляристов—11, учителей—1, прочих пр.—2, 3) по образованию: с высшим—10, средним—4, низшим—9, домашним—1.

Царицынская губ.

В виду отсутствия средств на содержание народных судов положение народных судей и следователей тяжелое, а нарследы не выезжают на место преступления. Консультанты жалованья не получают, а получают со своих доверителей гонорар по соглашению. Обвинителями выступают лица, командированные губкомом по требованию губотюста. Число народных судов сокращено на две трети.

Нарачай-Чернасская автономная область.

Ввиду того, что означенная область выделена Горской Республикой лишь в мае месяце с. г. отдел юстиции находится в стадии организации. Нет

работников для замещения должностей по советской юстиции. Нет средств для содержания народных судов и исправительных домов.

Вятская губ.

Судебные работники перегружены делами, ввиду того, что число дел увеличивается, а штат служащих сокращается за отсутствием средств на их содержание.

Налицо отсутствие квалифицированных судебных работников, ввиду чего имеются вакантные должности нарследов.

Саратовская губ.

К 20-му апреля с. г. в совнарсуде осталось неразрешенными 3166 дел.

Челябинская губ.

Завгуботюст приглашается на заседания президиума губисполкома, где принимает участие в разрешении различных вопросов с правом совещательного голоса.

Урегулирован порядок издания обязательных постановлений, проекты коих предварительно обсуждаются и просматриваются губотюстом.

При губотюсте и убоюстах организовываются юридические библиотеки.

Финансовое положение удовлетворительно.

Губотюстом разработана подробная анкета для заполнения лицами, уличенными в людоедстве, с целью подробно осветить мотивы и психическое состояние, побудившие их к трупоедению.

Московская губ.

Московским губотюстом разработано положение о центральной юридической консультации при отделе юстиции Московского губисполкома.

Характерными являются следующие пункты:

11) Заключение консультации дается коллегиально.

12) В случае разногласия вопрос решается по большинству голосов.

Примечание: Консультант, оставшийся при особом мнении, вправе изложить свое мнение на обороте регистрационной карточки.

18) Вся распорядительная часть консультации поручается заведующему и его заместителю, назначаемым отделом юстиции.

24) Рабочим, красноармейцам, состоящим на социальном обеспечении, равно и всем немущим, юридическая помощь оказывается бесплатно.

25) Остальные граждане вносят плату за консультацию по установленной таксе.

27) Поступившие в консультацию суммы распределяются следующим образом: 50%—на покрытие всех расходов (помещение, отопление, канцелярские принадлежности, юридическая литература), 50% распределяются между консультантами.

28) За нарушение своих обязанностей консультанты подвергаются дисциплинарным взысканиям по определению коллегии отдела юстиции.

Омская губ.

1 Губотюст сделал распоряжение убоистам, чтобы они 50% канцелярских сборов по нотариальному столу представляли в губотюст на выпуск газет и законодательных материалов для народных судей, нарследов и убоистов, а остальные 50% этого сбора оставляли бы в распоряжении убоистов.

2 Ввиду несоответствия отпускаемых пайков с количеством служащих в отделе юстиции и губревтрибе коллегия губотюста постановила распределить всю сумму жалования, причитающуюся за апрель месяц, пропорционально между всеми служащими применительно к 17 разрядной сетке.

Калужская губ.

Ввиду несвоевременного получения содержания положение служащих отдела юстиции крайне тяжелое. Служащие отказываются продолжать работу.

Нам пишут:

Народный судья Осинского уезда тов. Ерыпанов просит обратить внимание на вопрос о вознаграждении народных заседателей за участие их в сессиях народного суда. По его участку население исключительно крестьянское—отвлеченные от работ для участия в сессии, иногда в горячее рабочее время, крестьяне-заседатели получают вознаграждение по 60 руб. в сутки, как гласит неотмененное распоряжение осинского уездного бюро юстиции от 10 октября 1921 года № 3475. Это просто насмешка над ними и, чтобы не оскорблять их, приходится обыкновенно говорить: «Товарищи, выдать вам суточные не могу, так как нет аванса (какового и, действительно, нет), да и сумма слишком незначительная» и они уходят. Что 60 рублей ничтожная сумма доказывать не нужно, так как на территории участка дешевле 300.000 рублей фунта хлеба не купить. Разрешить вопрос в положительном смысле необходимо.

ЗА РУБЕЖОМ.

Германский законопроект о рабочих судах.

Германский законопроект о «рабочих судах» имеет своей целью учреждение юрисдикции, компетентной для всех категорий рабочих, и уничтожение специальных юрисдикций (коммерческие суды и т. д.), которые до сих пор существовали только для определенных категорий рабочих.

Рабочим считается всякий работающий на другого за определенное вознаграждение. Под это понятие не подходят служащие, которые, согласно закона о советах предприятия, являются представителями работодателя (управляющий, заведующий и т. д.)

Согласно законопроекту предполагается учреждение местных рабочих судов (Arbeitsgerichte), национальных рабочих судов (Landarbeitsgerichte), и обще-государственного рабочего суда—являющегося апелляционным органом. В состав местных рабочих судов входит в качестве председателя местный судья и два помощника, из которых один является представителем рабочих, а другой—представителем работодателей. Национальные рабочие суды построены на тех же принципах—председателем является член высшей судебной инстанции страны, помощниками—судья-рабочий и судья-работодатель. Общегосударственный рабочий суд состоит из члена гражданской палаты Верховного Германского Суда и из 2-х судей, назначаемых государственным экономическим советом.

Компетенции рабочих судов подлежат конфликты по поводу тарифных договоров; гражданско-правовые споры, возникающие между работодателями и

рабочими по поводу рабочих договоров, безразлично какова бы ни была ценность предмета спора; все притязания, предъявляемые рабочими против рабочих же по поводу совместно выполненных работ; конфликты, в которых сторонами являются один ответчик и—несколько истцов или, наоборот, один истец и несколько ответчиков (Enizelstreitigkeit), которые в настоящее время входят в компетенцию примирительных камер.

Последнее положение, главным образом, относится к искам, вменяемым рабочими в случае их увольнения; конфликты по поводу исчислений пенсий на основе заработной платы, а также вознаграждений, выдаваемых в натуре.

Рабочий суд в некоторых особых случаях может налагать штрафы, а именно: если работодатель не выполняет обязательств, принятых им на себя при найме рабочих, если работодатели нарушают постановление ст. 14 закона об инвалидах войны.

Наконец, рабочие суды наделены административной властью. Они решают вопросы об увольнении членов советов предприятий, а также вопрос о роспуске этих советов.

С организацией рабочих судов возложенная на примирительные камеры работа сведется в будущем к разрешению коллективных конфликтов и споров экономического характера («Informations sociales» от 7-го апреля 1922 года).

Примирительные комиссии в Германии.

Согласно германского проекта, опубликованного в 1921 г., на примирительные органы—общие и отдельные частые, входящих в состав германского государства,—возлагается, прежде всего, улаживание коллективных споров, возникающих между группой работодателей и группой рабочих. Примирительные комиссии только в том случае приступают к осуществлению своих прав, когда стороны не смогли прийти к соглашению относительно установления третейского суда или же если деятельность последнего окажется безрезультатной.

Особо важные по своему значению споры будут передаваться во вновь учреждаемое общегосударственное ведомство, а не в германское министерство труда, как это было до сего времени.

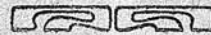
На случай необращения в примирительные органы или неисполнения их решений в проекте не установлено никаких уголовных или иных санкций.

В некоторых случаях, однако, примирительные комиссии при участии представителей экономических советов могут сделать свои решения обязательными.

Подобное постановление равносильно заключенному сторонами договору о подчинении примирительному приговору. В последнем случае при нарушении приговора примирительных комиссий иск может быть подан в суд. Стороны могут согласиться на каком угодно составе примирительных комиссий. Непременным условием является, однако, участие в комиссиях рабочих и работодателей на паритетных началах.

Согласно закона о «рабочих советах» от 4 февраля 1920 г. наблюдение за исполнением признанных сторонами решений примирительных комиссий или третейских судов, а также обращение в случае конфликтов в примирительную комиссию или третейский суд, установленный по соглашению сторон, возложено на советы предприятий (ст. 66).

Только в некоторых случаях, например, при увольнении, отдельные рабочие, если обращение это будет признано советом предприятия основательным, имеют право непосредственно обращаться в примирительную комиссию.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Гораций фон-Гогенштауфен. — «Революция, право, закон и Советская Россия». Берлин, 1922 г., стр. XXXII—196. Цена 100 герм. марок.

За-границей, в особенности в Германии, интерес к Советской России возрастает с каждым днем: об этом свидетельствует появление многочисленных журналов, посвященных России, а также десятков книг, трактующих вопросы как экономического возрождения России, так и советского строительства.

Появление проекта Уголовного Кодекса встретило живой отклик в немецкой юридической прессе, выдержки из проекта появились в немецком переводе в нескольких журналах.

Теперь на книжном рынке появился обемистый труд профессора Лейпцигского Университета, известного государствоведа Горация фон-Гогенштауфена под названием: «Революция, право, закон и Советская Россия». В этой книге автор, кстати, выступивший уже и раньше убежденным сторонником Советской России, противопоставит три революции: французскую, русскую (октябрьскую) и германскую (1918 года) и проводит параллель между законностью и правом этих трех революционных этапов. При этом Гогенштауфен, отдавая предпочтение нашей революции в смысле сохранения революционной законности и правопорядка перед революциями французскими всех времен, все же указывает, что до революции германской 1918 года ей очень далеко, ибо эта последняя при всей своей ломке старого и законченности своих этапов сумела сохранить стройный порядок и законность. В этом можно, конечно, с почтенным профессором поспорить, ибо с нашей точки зрения даже наша революция не прошла еще всех своих этапов, а революция германская тем более. Кроме того, вопреки

заявлениям Гогенштауфена, ни о какой ломке старого в Германии говорить не приходится; что же касается «стройности порядка и законности» в новой Германии, то немного дальше автор сам соглашается с тем, что современное состояние германского правосудия и законности заставляет желать многого.

Далее автор, являясь сторонником революционного правопорядка, приветствует все мероприятия советской власти, направленные к осуществлению задач правосудия и улучшению аппарата суда и следствия, и, наконец, переход от «революционного правосознания» к устойчивым писанным нормам считает наибольшим достижением советской юстиции, указывая мимоходом, что даже Германия не обладает новым революционным кодексом законов.

Интересно выдвигаемое Гогенштауфеном положение, что революционный период является одной из форм государственного строя, переходящей, но вполне стройной и гармоничной. Революционный период, как форма государственного строя, должен обладать своим, присущим этому переходному строю, сводом законов, без этого переходный момент не является революционным периодом, а только, по терминологии автора, более или менее продолжительным мятежом. В таком периоде находилась Советская Россия, переходящая теперь к революционному государственному строю, и до сих пор находятся Германия, Литва, Юго-Славия, Венгрия и Польша, не имеющие своего свода законов и признающая на своей территории силу законов, действовавших в отдельных ее частях до войны, то-есть русского (царского), германского и австро-венгерского.

В общем профессор Гогенштауфен на протяжении 228 страниц своей книги выказывает очень

много оригинальных, подчас подкрепляемых ссылками на юристов и философов всех времен и народов от Конрада Бруна и Тита Ливия до Ницше, Еллинека и Петражицкого, взглядов и делает свой труд интересным не только для юристов. Поэтому владеющим немецким языком можно эту книгу рекомендовать. Цена книги (100 герм. марок) при нынешней дороговизне весьма невысока.

Д-р Максимилиан К. Ролльваген — «Народный Суд в Российской Советской Республике». Кенигсберг, 1921 г. Стр. 48. Цена 25 герм. марок.

Эта книжка, как и предыдущий труд, является результатом все развивающегося интереса широких читательских кругов к Советской России, но задача, которую себе поставил Ролльваген, гораздо скромнее цели Гогенштауфена и, как в предисловии замечает автор, стремится дать представление о народном суде в России для чисто практических надобностей лиц, заинтересованных в торговле с Россией.

Однако, и с этой задачей он не справился. Автор упустил из виду простую истину, что для того, чтобы о чем-нибудь говорить, необходимо сперва с этим вопросом ознакомиться. Этого требует элементарная добросовестность. Но Ролльваген счел возможным этим пренебречь и в результате сам себя подобно известной унтер-офицерской вдове высек и при том публично.

По представлению г. Ролльвагена, народный суд есть нечто иное, как митинг, на котором все присутствующие и чуть ли не сами обвиняемые избирают председателя, который и ведет допрос и предлагает присутствующим вынести тот или иной приговор. Решения этого «народного суда» постановляются большинством голосов.

Если к этому еще прибавить (чего автор не делает), что смертный приговор приводится в исполнение тут же, то получится полная картина суда Линча, столь распространенного в Америке в прошлом столетии. Однако, если «народный суд», по мнению и описанию Ролльвагена, не является еще судом Линча, то, во всяком случае, это самый настоящий Шемякин суд, ибо (цитирую автора: стр. 33 и 34): «обвиняемый может заполнить весь зал своими родными и друзьями. То же может при желании сделать и отец».

До большего абсурда дописать трудно! Так невежественно писать на такую тему преступно. Интересно знать, верят ли немецкие читатели подобной ерунде, однако, независимо от этого, все же подобная «литература» наносит нам существенный вред.

В. С — в.

«Народное Право»—орган Тверского Отдела Юстиции.

В «Еженедельнике Советской Юстиции» уже печаталась рецензия по поводу «Народного права».

Нам прислали номер (за май) и просят дать оценку, что мы и попытаемся сделать. Прошлый номер этого же журнала был подвергнут нашей критике,

может быть, и несколько суровой, но в общем и целом те дефекты, которые были отмечены, безусловно были налицо. Майский номер этого журнала отличается несколько к лучшему от своего предшественника. Содержание статей деловое, имеющее близкий, непосредственный и практический интерес для местных работников.

Одна из них «О применении денежного штрафа, как меры наказания» вполне своевременна с переводом органов юстиции на местные средства. К сожалению, с выводами, к которым приходит автор, никак нельзя согласиться.

Во все время существования народного суда наказание штрафом занимало видное место среди других мер воздействия. И если так было во все те годы, когда представители имущего класса экспроприровались уже в силу их социального положения, независимо иногда от какой-либо вины (национализация, конфискация и реквизиция)—то теперь с НЭП-ом, когда буржуазия начинает вновь оправляться, начинает заново накапливать, штраф является реально осуществимой мерой воздействия суда против представителей буржуазии. Конечно, это не исключает и других видов наказания и где нужна будет иная устранивающая сила репрессии—то в арсенале средств народного суда имеется и возможность лишения свободы на много лет.

Однако, автор статьи, желая поуполно разрешить часть нашей финансовой проблемы, приходит к выводу, хотя по его же словам неокончательно, что при штрафе торговца убыток, нанесенный последнему, механически перекладывается на покупателя, так как торговец соответственно с наложенным на него штрафом повышает цену продаваемого им товара. Очевидно, автор не согласен или попросту незнаком со всей нашей финансовой политикой. Выдающимися авторитетами по этому вопросу признано, что жесткая налоговая система только способна делать курс рубля устойчивым и этим самым понижать рыночные цены, репрессия же штрафом, поражающая лишь отдельных преступных лиц, вообще никак не может влиять на цены, существующие на предметы первой необходимости, и было бы чрезвычайно нежелательно, если бы судьи на местах руководились теми неправильными предпосылками, которые приводит в своей статье автор.

Статья Урусова «О коллективном договоре» затрагивает также весьма интересный вопрос. В общем автор правильно анализирует роль профсоюза в классовом государстве и значение коллективного договора, как могучего средства в борьбе трудящихся за улучшение своего положения, но в заключение, приводя циркуляр ВСНХ от 20/II—22 г. с основными положениями о взаимоотношениях хозяйственных органов и профсоюзов, упустил, очевидно, что многие из этих положений являются сейчас устаревшими. Не февральский циркуляр ВСНХ, а резолюции, принятые 11-м всероссийским съездом РКП, проводятся уже в жизнь.

Большая статья посвящена вопросу «Об уездных бюро юстиции»; недостаток ее, что она слишком длинна. Не могу не отметить, что при разборе вопроса о подсудности особых сессий автор делает совершенно неуместную ссылку на Дарвина: «Особые сессии дол-

жны производить отбор всего хорошего для советской власти (по теории Дарвина), отбрасывая все то, что ненужно и вредно для нее». Кому нужна эта неудачная и неуместная погоня за «высоким стилем». Между тем содержание всей статьи интересно, вопрос поставлен практически важный, имеющий принципиальное значение для местных работников.

В заключение можно отметить, что обилие в журнале инструктирующего материала, циркуляров и инструкций, бесспорно интересный отдел «Письма из провинции» делают его при более строгом редактировании полезным для работников на местах и он послужит к идейному сближению их со своим центром.

И. Р.

Письмо в редакцию.

От работников пенитенциарного дела одной из губерний РСФСР редакцией получено письмо, по существу которого редакция разъясняет, что «Еж. С. Ю.» рассылается бесплатно только испр.-труд. п/отделам губтюстосов через последние; остальных же работников пенитенциарного дела, к сожалению, включить в число бесплатных обязательных подписчиков не представляется возможным. Дискуссионные статьи редакцией помещались и будут помещаться и впредь. Просьба присылать таковые с мест.—Письмо с небольшими сокращениями ниже приводится:

«Включение в программу журнала «вопросов карательно-исправительной политики» (обращение в № 1 «Еженедельника») вполне отвечает тому курсу карательной политики рабоче-крестьянской власти, который исходит из принципа, что борьба с преступлением предполагает не только знание его причин, но и того действия, которое производит наказание, и что уголовный приговор суда получает свое содержание и значение только через приведение его в исполнение. В настоящее время уже ни для кого из сознательных судебных работников пролетарского государства не подлежит сомнению, что с постановлением приговора задача судьи не считается оконченной, что он не может ограничиться лишь формальным установлением состава преступления и применением затем известной статьи уголовного кодекса, как то имело место прежде в дореволюционное время, но должен также следить и за результатом оказываемого наложенным наказанием воздействия на осужденного. Ведь, ни для кого не секрет, что, несмотря на данные предварительного и судебного следствия, суд, применяющий наказание, личность преступника все-таки не знает, а судит о ней лишь по тому преступному деянию, в котором данное лицо обвиняется. А между тем существенное значение имеет, прежде всего, сам человек, его личность. Узнать же человека, «характеризовать» его, то-есть изучить его личность, мы можем лишь тогда, когда он будет предметом нашего наблюдения в течение продолжительного времени, когда, наблюдая его повседневные действия, мы сможем выяснить его интересы, господствующие настроения и наклонности. Вот почему постановление и исполнение судебных приговоров должно рассматриваться как неразрывные

звенья единого целого, вот почему контакт суда с местами лишения свободы, где учебно-воспитательной частью в продолжение срока наказания изучается личность осужденного, крайне необходим для наиболее успешного осуществления задач правосудия, для внесения корректива в судебную работу путем либо полного досрочного освобождения, или досрочного перевода на принудительные работы без лишения свободы на весь остающийся неотбытым срок наказания лиц, не требующих дальнейшего пребывания в заключении.

«Еженедельник» является пока единственным аккредитованным выходящим в революционной России юридическим журналом, освещающим и пенитенциарные вопросы (я не говорю о журнале «Пролетарская Революция и Право» и «Материалах Народного Комиссариата Юстиции», крайне неаккуратно и редко рассылаемых подписчикам), и что взамен ранее издававшихся Главным управлением местами заключения «Тюремного Вестника» и «Вестника Пенитенциарных Знаний» ЦИТО еще до сих пор не имеет возможности издавать свой специальный печатный орган.

И если среди судебных деятелей, применяющих нормы пролетарского права, в повседневной практике возникают вопросы, волнующие и представляющие затруднения на местах, то еще более это следует сказать про работников пенитенциарного дела, пред которыми впервые в революционной России встала огромная по своей важности и в то же время в высшей степени трудная задача по изысканию и проведению в жизнь методов воспитательного воздействия на лиц, вступивших в коллизию с законом, независимо от того, будут ли это взрослые или несовершеннолетние. Поэтому редакция «Еженедельника», обещавшая в своем обращении к читателям освещать на страницах своего журнала не только «вопросы теоретической дискуссии», но и «все практические повседневные вопросы, волнующие и представляющие затруднение на местах» в отношении «всех деятелей юстиции», должна сдержать свое слово и вспомнить о забытых ею пенитенциарных работниках, включив их в сеть обязательных бесплатных подписчиков и вместе с тем усилив на страницах своего журнала обсуждение пенитенциарных вопросов».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Великолукскому бюро юстиции. По разъяснению Главного управления коммунального хозяйства:

1. Прямого законодательного распоряжения о прекращении муниципализирования домов не имеется. Однако, такое прекращение для настоящего периода вызывается новым экономическим курсом и основами новой жилищной политики. Жилищные законы от 8-го августа 1921 года своим содержанием предполагают прекращение для настоящего периода новой муниципализации домов. К тому же необходимо иметь в виду, что декрет об отмене частной собственности на недвижимость в городах от 20-го августа 1918 г. устанавливал проведение муниципализации в течение 3 месяцев по опубликовании декрета. Исключения в смысле допущения муниципализации и после указанного срока могли иметь место в виду обстоятельства военного времени. Во всяком случае, сейчас исключений не может быть, поскольку повсеместно в Республике военные действия прекращены и советская власть вполне укрепилась.

2. Тот факт, что дом занят государственным учреждением, сам по себе недостаточен для муниципализирования его, т.-е. лишения владельца права собственности и объявления дома собственностью государства в лице местного совета. Однако, если дом фактически был муниципализирован в прошлые годы (до августа 1921 г.) таким образом, что владелец утратил всякую хозяйственную связь с домом и, наоборот, установилось хозяйственное отношение к дому коммунального хозяйства (ремонт, взимание арендной или квартирной платы и т. п.)—Главное Управление Коммунального Хозяйства считает целесообразным утверждать в таких случаях муниципализацию, фактически уже состоявшуюся в прежнее время, но лишь неоформленную.

3. Ст. 1 постановления Совета Народных Комиссаров о разрешении отчуждения немунципализированных строений «с тем, чтобы в руках одного лица не сосредоточивалось более одного владения» нельзя толковать расширительно. Закон относится лишь к вновь приобретаемым домам и поэтому нельзя на основании этого закона производить новую муниципализацию нескольких владений одного и того же владельца, ранее не муниципализированных по соображениям низкой оценки или иным причинам.

Нарсудье 4 уч. Скопинск. уезда Владим. губ. тов. Солетчину. 1) Муниципализация домов в городах установлена декретом ВЦИК от 20 августа 1918 года (Собран. Узакон. № 62, стат. 674), сохраняющим силу до сего времени. Никакого предельного срока на проведение муниципализации не установлено, поэтому нет законных препятствий к фактическому осуществлению ее и в настоящее время. Муниципализация допускается в городах более чем с 10 т. жителей для всех строений, стоимость или доходность которых превышает норму, установленную местным губисполкомом; эта норма может быть вследствие понижена согласно прим. 4 к ст. 2 и, стало быть, муниципализация может быть распространена на строения, ранее от нее изъятые,

В городах с числом жителей менее 10 т. чел. муниципализация может быть произведена с разрешения центра, т.-е. Главкомхоза НКВД. 2) Бывшие владельцы сохраняют право на проживание в муниципализованном доме на одинаковых правах с прочими жильцами, не пользуясь никакими преимуществами. В настоящее время выселение возможно лишь в случаях, предусмотренных декретом СНК, опубликованным в «Изв. ВЦИК» от 3 мая, № 96.

Балашовскому убою. См. пред. ответ. Кроме того, этот декрет специально предусматривает строения в городах, что же касается сельских местностей, то здесь действует инструкция о применении социал. землеустр., по ст. 124 коей устанавливается, что все строения и усадьбы остаются в пользовании прежних домохозяев.

Котельническому убою. 1) Приобретать жилые строения в городах возможно лишь в порядке, указанном декретом СНК от 8 августа 1921 г. (С. У. № 60, ст. 410), причем согласно п. «б» ст. 3 этого декрета покупатель должен дать подписку, что ни он, ни его жена и несовершеннолетние дети не владеют строениями нигде в другом месте, причем в отношении владельцев домов в сельских местностях никаких исключений не сделано; таким образом, лица, имеющие строения в уездах, лишены возможности приобретать городские дома.

2) Имущества, полученные в порядке ст. 9 декрета об отмене наследования, могут быть отчуждаемы всеми законными способами, ибо они поступают в непосредственное распоряжение родственников, а не только в пользование.

Переславскому предубю. Народные судьи могут быть отозваны в случаях несоответствия занимаемой должности (незнакомство с действующим законодательством, неумение вести работу, отклонение от политической линии, проводимой рабоче-крестьянской властью и т. п.).

Вопрос об отзывании может быть возбужден избравшим нарсудью исполкомом, совнарсудом (ст. 15 Полож. о народном суде) или губотпостом (Полож. о мест. орг. юст., разд. А, ст. 12, прим. 6.—Цирк. Народного Комиссариата Юстиции № 20—1920 г.) и рассматривается избравшим нарсудью исполкомом, который должен подробно мотивировать отзывание и представить постановление об отзывании на утверждение губисполкома, который и разрешает окончательно этот вопрос.

Народные следователи могут быть отозваны лишь избравшим их губисполкомом, как по инициативе самого губисполкома (ст. 30 Полож. о нар. суде), так и по инициативе губюста (указ. выше ст. Полож. о мест. орг. юст.).

Убоюсты могут, если находят необходимым отзывание того или иного народного судьи или нарследователя, сообщать свои соображения на этом поводу в губотпост и совнарсуд.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Циркуляр № 40.

I.

Всем Отделам Юстиции.

О сборе почтовых марок для ЦК помгол.

Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК постановила организовать сбор всех почтовых марок с писем и бандеролей, как в отдельных экземплярах, так и целыми сериями и коллекциями. Продажа этих марок, представляющих большую ценность на заграничном рынке, даст возможность выручить значительные суммы, которые будут использованы на усиление помощи голодающим.

Ввиду этого и руководствуясь специальной инструкцией по сбору марочных пожертвований, Наркомост предлагает всем отделам юстиции организовать во всех подведомственных органах юстиции сбор марок с писем и бандеролей, при том как поступающих в данные органы, так и добровольно сдаваемых жертвователями. Собирать следует все гашенные и негашенные почтовые марки, если они целы, не сильно смяты и запачканы, при чем в целях сохранности их не следует срывать с конвертов, а осторожно вырезать вместе с конвертной бумагой, оставляя при ней целиком почтовый штемпель.

Для приема почтовых марок на видном и доступном месте в каждом государственном и общественном учреждении и предприятии устраиваются специально приспособленные закрытые кружки или ящики, о чем должно быть сообщено местной комиссии помгола, которые и будут производить вскрытие этих кружков и ящиков и пересылать марки уполномоченному ЦК Помгол по марочным пожертвованиям (Москва, Тверской бульв., №12).

Народный Комиссар Юстиции

Курский.

15 мая 1922 года.

Циркуляр № 43.

Всем Отделам Юстиции.

О правилах взимания гербового и канцелярского сбора.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает при исполнении декретов о гербовом сборе (Собр. Уз. и Расп. № 9, ст. 89) и постановления ВЦИК, опубликованного в Изв. ВЦИК от 2/IV—№ 75, и о канцелярском сборе (декрет СНК, опублик. в Изв. ВЦИК № 50) руководиться нижеследующими правилами:

1. Оплате простым гербовым сбором в размере 100 рублей образца 1922 г. подлежат:

а) все подаваемые частными лицами, частными организациями и госучреждениями, не освобожденными от промыслового обложения, в судебные установления заявления и прошения;

б) всякого рода бумаги и документы, выдаваемые судебными установлениями по гражданским делам частным лицам, учреждениям, не освобожденным от промыслового обложения, в ответ на их заявления и по их просьбе, как-то копии находящиеся в производстве бумаг, решений, протоколов, акты, исполнительные листы, свидетельства, удостоверения и т. п.;

в) все подаваемые частными лицами, частными организациями и госучреждениями, не освобожденными от промыслового обложения, заявления и прошения в отделы и органы Народного Комиссариата Юстиции, как центральные, так и местные (запросы, заявления, жалобы в порядке судебного контроля, ходатайства и т. п.);

г) все выдаваемые центральными и местными органами НКЮ бумаги, документы частным лицам, организациям, не освобожденными от промыслового обложения.

2. Доверенности на ведение в судебных и административных местах гражданских дел оплачиваются гербовым сбором в размере 150 руб.

3. Копии, представляемые вместо подлинных документов, подлежащих оплате простым гербовым сбором, оплачиваются в том же размере, что подлинник. Если подлинник не подлежит оплате гербовым сбором, не оплачиваются и копии. Если подлинник оплачен пропорциональным сбором, копия оплачивается в размере одной десятой сбора подлинника.

4. Если в основании иска в качестве доказательства или для иной какой-либо цели сторонами представляется подлинный документ, оплаченный гербовым сбором при его составлении, вторичная оплата при подаче документа в суд не производится.

5. Всякого рода приложения к просьбам и заявлениям, дополняющие, развивающие и обосновывающие подаваемую просьбу или заявление, подлежат оплате в том же размере, как и подаваемые просьбы и заявления. Если в качестве приложения представляется документ, освобождаемый при его составлении безусловно от оплаты сбором—до при представлении в суд такое приложение гербовым сбором не оплачивается. Если же при составлении документ был освобожден от сбора в виду его определенного назначения, а он представляется не по назначению, а в суд в качестве приложения,—документ подлежит оплате гербовым сбором, как просьба и заявление, к которому он приложен.

6. Копии бумаг, представляемых для противной стороны, от оплаты гербовым сбором освобождаются.

7. Все сношения с судебными местами и центральными и местными органами Народного Комиссариата Юстиции по уголовным делам от гербового сбора освобождаются.

8. Все сношения, как прямые, так и ответные по народному образованию, социальному обеспечению, охране труда и воинской повинности, если они производятся центральными и местными органами Народного Комиссариата Юстиции, гербовым сбором не оплачиваются. При производстве же дел по означенным вопросам в гражданском суде гербовый сбор взыскивается на общем основании.

9. Заявления, имеющие характер жалобы на незаконные действия должностных лиц и не содержащие в себе ходатайства о пересмотре или отмене определения, решения, постановления судебных органов,—от гербового сбора освобождаются.

10. Заявления, подаваемые свидетелями и экспертами, о невозможности явки, объяснения о причинах неявки, заключения и т. п. бумаги от оплаты гербовым сбором освобождаются.

11. При представлении в судебное установление документа следует проверить, соблюдены ли при его составлении и дальнейших передачах правила Устава о гербовом сборе и изданной Наркомфином в его развитие инструкции о применении Уставом о государственном гербовом сборе.

12. В случае обнаружения, что представленный документ с нарушением устава о гербовом сборе, следует составить об этом акт или внести в протокол заседания.

13. Если лицо, представившее документ, согласится внести сбор и штраф, установленный единоличным постановлением судьи, согласно ст. 15 Устава о гербовом сборе, то судья, взыскав сбор и штраф, посылает в губфинотдел копию акта или выписку из протокола. В случае спора судья направляется в губфинотдел также копия документа, составленного с нарушением Устава о гербовом сборе. Копию документа обязана представить сторона, представившая документ, но может быть представлена и противной стороной. Разбор дела откладывается до представления копии. На копии документа отмечается размер и способ оплаты подлинника гербовым сбором. Губфинотделу сообщается также имеющийся в деле адрес стороны, представившей документ.

14. Нотариальные отделы при представлении документов, неоплаченных или неправильно оплаченных гербовым сбором, взыскивают сбор и штраф, если лицо, представившее документ, не возражает.

Об обнаруженных нарушениях Устава о взносе сбора и штрафа составляется акт и посылается в губфинотдел. В случае спора подлинный документ посылается в губфинотдел, которому принадлежит производство по делам о нарушениях Устава о гербовом сборе. Требование лица, представившего документ, о возврате ему такового, удовлетворению не подлежит впредь до разрешения вопроса губфинотделом.

15. Независимо от гербового сбора, все выдаваемые судебными установлениями и отделами и бюро юстиции бумаги участвующим в деле лицам, как по гражданским, так и по уголовным делам, как то: копии, выписки, свидетельства, удостоверения, справки, исполнительные листы и т. п. подлежат оплате канцелярским сбором.

16. Бумаги, выдаваемые не по просьбе заинтересованных лиц, а в силу обязательного требования закона (копия заключительного постановления судебного следователя, приговор, повестки, извещения и т. п.) от оплаты канцелярским сбором освобождаются.

17. Канцелярский сбор взимается в размере 10 р. с каждой страницы в отделах и бюро юстиции и в размере 25 р. с каждого листа, выдаваемого судебными установлениями.

18. Лица, освобожденные в установленном порядке от вноса судебных пошлин, освобождаются и от оплаты гербового и канцелярского сбора.

19. Гербовый и канцелярский сбор вносится либо наличными в кассу финотдела с представлением квитанции о взносе в канцелярию суда или отдел юстиции, либо в канцелярию суда по квитанционным книжкам губфинотдела, либо гербовыми и почтовыми марками, наклеиваемыми на подаваемых или получаемых документах, подлежащих оплате.

20. Квитанции о взносе наличными приобщаются к надлежащему делу. Марки погашаются согласно инструкции Наркомфина к Уставу о гербовом сборе.

21. На всех выдаваемых документах должны быть пометки об уплате надлежащих сборов и в каком размере с указанием № квитанции или статьи ден. книги за подписью ответственного лица или в освобождении от уплаты и об основаниях к освобождению.

22. Порядок и сроки расчетов с губфинотделом устанавливаются при получении от губфинотдела квитанционных книжек.

29 мая 1922 года.

Народный Комиссар Юстиции

Курский.

Принимается подписка на
„Еженедельник Советской Юстиции“.

Условия подписки с 1 июля 1922 г.:

за 12 номеров в Москве без доставки	275 руб. дензнаками	1922 г.
„ 12 „ „ с доставкой	300 „ „ „	1922 „
„ 12 „ „ провинции	300 „ „ „	1922 „

Подписка принимается до 1-го июля с. г. в Главной Конторе изданий Наркомюста. Адрес: Москва, Рождественка, д. 9.

На вышедшие до 1 июля с г. номера „Еженедельника“ подписка не принимается. Оставшиеся на складе в небольшом количестве номера высылаются наложенным платежом.

Поправка: В объявление о подписке в предыдущем номере вклялись опечатки: напечатано: „Подписка принимается до 1 июня“ и „условия подписки до 1 июня“. Следует читать: . . . до 1 июля.

К сведению обязательных подписчиков.

Редакция „Еженедельника Сов. Юстиции“ доводит до сведения обязательных подписчиков, что „Еженедельник“ высылается бесплатно следующим учреждениям, губотюстам, (4 экз. на все п/отделы), губсовнарсудам (3 экз. на все отделы), убюстам (1 экз.), нарсудьям, нарследам и судиспам (по 1 экз.). Всем не перечисленным выше учреждениям, как-то: особым сессиям при убюстах, консультантам, нотариальным столам и т. д. „Еженедельник“ бесплатно не высылается.

Редакция доводит до сведения убуостов, народных судей, следователей и судебных исполнителей, что по техническим причинам рассылка „Еженедельника“ непосредственно по нарсудам, следователям и судисполнителям в настоящее время весьма затруднительна. Временно журнал высылается в убуосты для распределения по уезду. Просьба к убуостам, не приславшим сведений о судах, следователях и судебных исполнителях, прислать таковые сведения в самом срочном порядке (см. объявления в №№ 2-5).